

Псковский Государственный объединенный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА
И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ**

**Краткие тезисы докладов к предстоящей
научно-практической конференции**

Псков, 1985

В. В. Седов.

ИКОМОС В 1980—1984 гг.

Памятники истории и культуры народов нашей страны составляют неотъемлемую часть культурного наследия, свидетельствуя об огромном вкладе его в развитие мировой цивилизации. Главную роль в сохранении культурного наследия, в рациональном использовании его играет государство с его законодательной деятельностью.

Хотя памятники археологии и архитектуры принадлежат национальному достоянию страны, они являются ценностями общечеловеческого порядка. В наше время, когда памятникам истории и культуры часто угрожают опасности самых различных видов и для сохранения наиболее значимых из них требуются крупные финансовые расходы, международная охрана культурных ценностей становится все более и более необходимой. Она включает сотрудничество государств и ученых в деле сохранения и использования памятников истории и культуры, создание благоприятных условий для обмена знаниями, информацией, реставрацией и консервацией древностей. Международное сотрудничество в области охраны памятников является частью международного культурного общения. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятый в Хельсинки, предусматривает международное сотрудничество в сохранении и реставрации памятников истории и культуры.

Основной международной организацией, которая занимается решением вопросов культурного и научного сотрудничества между государствами является Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). В тесном сотрудничестве с ЮНЕСКО вопросами охраны и изучения культурных ценностей занимается Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Это — неправительственная организация, в нее входят научные учреждения и отдельные специалисты — архитекторы, археологи, искусствоведы и реставраторы, представляющие более 60 стран.

ИКОМОС призван способствовать научному изучению, сохранению и популяризации памятников истории и культуры, пробуждать интерес государственных органов и общественных организаций к культурному наследию в целом, содействовать правовому регулированию охраны памятников на государственном уровне.

ИКОМОС содействует международному сотрудничеству в вопросах изучения, консервации и реставрации памятников, их научном исследовании на высоком уровне. ИКОМОС формирует общественное мнение о сохранении памятников, особенно тех, которым по тем или иным причинам угрожает повреждение или уничтожение.

ИКОМОС организует и проводит различные научные конференции и коллоквиумы по темам, затрагивающим вопросы охраны, изучения и современного использования культурного наследия человечества.

За последние годы активизировалась деятельность ИКОМОСа в области археологии. Разработан или запланирован целый ряд мероприятий по сохранению и научному изучению археологических памятников. Обращено внимание на ведение археологических раскопок. Разрабатываются международные правила их производства. По возможности больше рекомендуется консервировать и реставрировать объекты, выявленные в результате археологических раскопок. Пристальное внимание заслуживает археологическая документация, ее строгость, унификация, активное внедрение специальной техники при выполнении обмерных чертежей, фотофиксации и т. п.

Девиз «Нет будущего без прошлого» все отчетливее звучит с трибун международных форумов. Он предусматривает усиление охраны памятников всеми средствами. Назрела необходимость готовить специалистов для органов охраны культурного наследия. Вопросами сохранения и использования памятников истории и культуры должны заниматься специалисты. Эта работа требует знания предмета и профессиональных знаний. Считать необходимым регулярное инспектирование памятников. При этом необходимо собирать информацию для предупредительных мероприятий по охране культурных ценностей в связи с загрязнением атмосферы и др.

Необходимо сохранить культурное наследие в его подлинности. В исторических центрах необходимо участие археологов в разработке проектов новой застройки. При определении стоимости строительства следует заранее учитывать расходы на археологические исследования.

Специалистов для производства археологических исследований в экспедиционные сезоны не хватает. Назрела необходимость

в более широкой подготовке студенчества для ведения раскопок. Археологические раскопки должны вестись исследователями-профессионалами, а не только регистраторами фактов.

Никакие археологические исследования нельзя считать законченными до тех пор, пока их результаты не будут опубликованы или каким-либо иным образом не введены в научный оборот. Следует шире применять микрофильмирование отчетов об археологических изысканиях. Важное место в работе археологов должна занять популяризация результатов раскопочных исследований. Научно-популярный аспект включает издание литературы для массового читателя, устройство регулярных выставок с демонстрацией вещевых находок и фотоматериалов, чтение лекций, использование телевидения, радио и кино, а также туризма. Еще есть случаи, когда памятники истории и культуры гибнут от невежества; поднять уровень культуры населения — первейшая обязанность специалистов и работников органов охраны.

Археология и охрана памятников не могут развиваться без сотрудничества как внутри страны, так и вне ее. Поэтому в экспедиционные сезоны желателен обмен учеными между экспедициями. Необходимо принять решительные меры для развития библиографического сектора, охватившего информацию об археологических изысканиях и охране культурного наследия.

Г. Вайткявичюс, К. Каталинас, В. Ушинкас

Опыт формализованного описания массовых археологических находок

Разработка системы формализованного описания массовых археологических находок была предпринята в связи с крупномасштабными исследованиями в 1983 г. на ул. К. Гедрё в Вильнюсе. Здесь было обнаружено свыше 13 тыс. фрагментов бытовой керамики и около 8 тыс. фрагментов изразцов. В процессе разработки системы описания широко использовались труды советских и зарубежных ученых; особое значение имели работы М. Домбровской, Ж.-К. Гардена, Е. Круппе. Основными требованиями при разработке системы были: универсальность, широкий объем учитываемых параметров, точность кода, возможность обработки на ЭВМ. В настоящее время подготовлены четыре формы таблиц для описания изразцов и одна форма — для бытовой керамики.

Форма описания бытовой керамики (103 параметра). Данная форма способна включить описание любого изделия бытовой керамики (горшков, кувшинов, сковород, тарелок, светильников и т. д.)

или его фрагментов. При этом учитываются: а) основные размеры изделия (высота сосуда; диаметр дна, устья и т. д.) и его частей (горлышка, плечиков и т. д.); б) описание профиля изделия с учетом любых его изменений; в) описание орнамента, включая место его расположения на изделии, технику исполнения, композицию; г) описание поливы с учетом цвета, блеска, прозрачности, толщины; д) описание красок — цвет, пропитка; е) характеристика примесей — состав, количество; ж) характеристика цвета формовочной массы — цвет излома, цвет внешней и внутренней поверхности, его равномерность; з) описание отдельных частей (носик, ручки и т. п.), включая их размеры, форму и место расположения. Верификация кодирования производится обратным воссозданием профиля и орнаментации изделия согласно описанию.

Форма описания горшкообразных и мископодобных изразцов (52 параметра). Таблица включает одну из групп изразцов, выделяемых по следующим критериям: а) принадлежность к одной печи; б) подобие пропорций и формы устья; в) технология производства; г) характер декора. Данные о находке распределяются по пяти группам взаимосвязанных признаков: а) форма изразца и его частей (наиболее важная характеристика для датировки изделия); б) размеры изразца и его частей; в) использование; г) технология производства; д) декор. Две последние группы имеют значение и для датировки.

Форма описания пластинчатых изразцов (74 параметра). Критерии объединения группы изразцов в одной таблице: а) характер декора; б) технология производства; в) обстоятельства нахождения. Выделяемые группы признаков: а) декор (основной критерий датировки); б) размеры изразца и его частей; в) тип и форма изразца. (Группы «б» и «в» предоставляют дополнительные данные для датировки, а последняя группа — также для определения места изразца в печи); г) технология производства (имеет некоторое значение при датировке, а также способствует выделению производственных серий изразцов); д) характер использования (уточняет место изразца в печи, иногда указывает на конструкцию печи).

Две формы таблиц для описания полуцилиндрических изразцов и городков (47 и 39 параметров). Фактически это модифицированные формы таблицы пластинчатых изразцов, приспособленные для описания изразцов данного типа. Особенность этих форм заключается в использовании индексации при описании цвета глазури. В настоящее время эти формы таблиц находятся в стадии проверки.

Строгая регламентация кода (точное место определенных параметров в таблице и их обозначение конкретным знаком) дает возможность легко моделировать все параметры изучаемых изде-

лий, а также вводить данные в ЭВМ без дополнительной обработки формы описания.

А. А. Александров

К 70-летию подготовки XVI археологического съезда

После окончания работы XV археологического съезда (Новгород, 1911 г.) в начале 1912 г. в Москве состоялись заседания Предварительного комитета по устройству XVI археологического съезда (АС), намеченного на 1914 г. В результате обсуждения несколько кандидатур городов — возможных учредителей съезда были отклонены (Оренбург, Тифлис, Владикавказ, Екатеринодар, Ставрополь, Симферополь). Претендентами на проведение XVI АС оставались Москва и Псков. В результате голосования за Псков было подано 67 голосов, за Москву — 31. 50-летний юбилей основания Московского археологического общества было решено отметить в Москве уже после проведения XVI АС.

Съезд в Пскове должен был проходить с 22 июля по 6 августа 1914 г. Начаться он должен был в Пскове, а завершиться — в Новгороде. На местах — в Пскове, Новгороде и Нарве предлагалось создать местные предварительные комитеты.

На заседаниях были предложены конкретные работы по изучению Псковской земли: широкое археологическое изучение, издание документов XVI—XVII вв., диалектологическое исследование. К опубликованным в 1912 г. протоколам заседаний прилагались два списка тем: «Вопросы, предлагаемые на обсуждение XVI Археологического Съезда» и «Запросы, на которые желательно получить разъяснения на XVI Археологическом Съезде». Доклады должны были идти на 10 отделениях (псковской тематике отводилось 47 вопросов). В работе съезда предполагали принять участие такие известные исследователи как В. Р. Апухтин, Д. И. Иловайский, Н. Н. Дурново, И. Я. Стеллецкий, И. А. Шляпкин и др.

В том же 1912 г. в Пскове на совместном заседании Псковского археологического общества (ПАО) и Псковского церковного историко-археологического комитета было образовано местное отделение Московского Предварительного комитета. Отделение в том же году напечатало и разослало опросные листы, провело небольшие археологические разведки и раскопки (В. Н. Крейтон) или их финансирование (И. К. Линдеман). Проводилось обследование церквей с целью сбора экспонатов к выставке; открытие выставки планировалось к XVI АС. В Пскове были устроены археологические курсы, руководил которыми директор петербургского Археологического института Н. В. Покровский.

Отделение проводило также сбор средств через официальные учреждения — городские думы и земства. Часть финансирования взяло на себя Московское археологическое общество; оно же направило в Псковскую губернию археологов, силами которых были проведены разведки и раскопки в Островском, Опочечком, Великолуцком и Холмском уездах.

К XVI АС член ПАО Н. Ф. Окулич-Казарин осуществил составление археологической карты Псковской губ. (Тр. ПАО, вып. 10, 11, Псков, 1914, 1915). В трудах ПАО были опубликованы результаты археологических исследований В. Н. Крейтона. ПАО подготовило издание каталога выставки к XVI АС, вышедшего, правда, только в 1915 г. В Риге в 1914 г. был издан том Трудов Балтийского комитета по подготовке XVI АС.

Выставка к съезду формировалась за счет присылаемых коллекций. Она размещалась в зале Художественной школы Фан-дер-Флита и состояла более чем из 1300 предметов. На выставке были представлены вещи из раскопок 1913 г. в Псковской губ. (в основном — из курганов и жальников), археологическая коллекция В. Р. Апухтина (южнорусские и балканские древности), коллекции икон, церковной утвари, шитья, рукописей.

17 июля 1914 г., когда до начала работы XVI АС оставалось несколько дней, в России была объявлена всеобщая мобилизация. Началась Первая мировая война. Все работы по подготовке АС были прерваны, выставка разобрана. Часть коллекций была возвращена, часть осталась на хранении в музее ПАО.

Деятельность по подготовке XVI АС 1914 г. нашла отражение в ряде публикаций результатов археологических исследований, сохранилась часть коллекций. Археологические данные опросных листов и сейчас активно используются при исследованиях Псковской области.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПСКОВА

С. В. Белецкий

Из истории государственных институтов Псковской феодальной республики («Печати псковские...»)

«Печати псковские» известны в литературе с 1886 г. Эта сфрагистическая группа постоянно привлекает внимание исследователей. В литературе принято разделение «печатей псковских» на два типа: «печати 1425 г.» «печати 1469 г.» (далее — «печати 6933 г.» и «печати 6977 г.»). Даты на реверсе «печатей псковских» рассматриваются в качестве дат-символов, фиксирующих начало применения в делопроизводстве данного типа печати. «Печати псковские»

связываются всеми исследователями с органами светской власти Пскова: судом князя (Н. П. Лихачев, В. Л. Янин, В. Д. и С. В. Белецкие), посадничьим управлением (Н. П. Лихачев), боярским советом (И. О. Колосова), «псковским государством» (Г. Я. Мокеев), смесным судом князя и посадника (А. С. Мельникова, В. Л. Янин). Введение «печатей 6933 г.» объясняется началом монетной чеканки в Пскове (Д. И. Прозоровский, В. Л. Янин, И. К. Лабутина), завершением строительства Персей (Н. П. Лихачев, Г. Я. Мокеев), преобразованиями в посадничьем управлении (И. О. Колосова), государственными реформами Псковской республики (С. В. Белецкий). Появление «печатей 6977 г.» связывается с усилением позиций в Пскове московской администрации (Н. П. Лихачев, В. Л. Янин, С. В. Белецкий), с преобразованиями в посадничьем управлении (И. О. Колосова).

Введение «печати 6933 г.» тесным образом связано с завершением строительства Персей, что подчеркивается в надписи на аверсе печати. Анализ сведений о Персях позволяет согласиться с оценкой их (Г. Я. Мокеев), как комплекса вечевых сооружений. Возведение вечаевого комплекса происходит в 1418—1424 гг.

Капитальные работы по созданию вечаевого комплекса явились материализацией социальных изменений в структуре республиканского устройства. Памятником, узаконившим проведение реформ, является «печать 6924 г.», принадлежащая псковским посадникам (В. Д. Белецкий). Эта печать легла в основу оформления «печати 6933 г.» и монетного типа республики. Начало государственной реформы связывается с резким изменением внешнеполитического курса псковского правительства, произошедшим в период между заключением вассального договора с Витовтом в 1414 г. и появлением в Пскове наместника из Москвы в 1415 г. Начало реформ знаменуется установлением полугодового срока пребывания посадника в степени. Завершение реформ приходится на лето — осень 1424 г. Оно ознаменовано началом монетной чеканки и завершением строительства вечаевого комплекса. Даты на «печати 6924 г.» и «печати 6933 г.» приведены в ультра-мартовском стиле летоисчисления.

Введение «печати 6977 г.» хронологически соотносится с проведением в Псковской республике реформы пригородского управления (1467—1468 гг.). Последняя являлась одним из действий в цикле реформ 60-х годов XV в. Начало реформ 60-х годов ознаменовано переходом к двойному степенному посадничеству и реконструкцией вечаевого комплекса. Первый период реформ — 1462 — 1465 гг. — завершился заключением между Псковом и Новгородом антимосковского «мира по старине», вслед за которым Псков покинул великокняжеский наместник. Обрушившиеся на Псков в

конце 1465—1466 гг. «кары божьи» (пожар 20—25 октября 1465 г., мор зимой 1465 — 1466 гг., пожар летом 1466 г., мор осенью 1466 — зимой 1466—1467 гг.) заставили псковское правительство вновь обратиться к Москве. Приглашение наместника из Москвы зимой 1467 г. происходило на новых условиях: второй период реформ — 1467—1468 гг. — проходил уже в «промосковском» направлении и завершился введением «печати 6977 г.», юридически закрепивший вассальные отношения Псковской республики к Москве. Дата на «печати 6977 г.» приведена в ультрамартовском стиле летоисчисления.

О. С. Мжельская

**Лексика памятников псковской письменности
как источник по истории Пскова (лексика
псковского рынка по данным «Разговорника»
Тённиса Фенне 1607 г.)**

В последние 20—30 лет сложилась новая отрасль исторической лексикологии — изучение иностранных источников, содержащих данные о русской разговорной речи XVI—XVII вв. (Б. А. Ларин и др.). К такому кругу памятников принадлежит и русско-немецкий разговорник (пособие по разговорному языку), написанный Тённисом Фенне в 1607 году в Пскове. Рукопись опубликована в 1967—1970 гг. Р. О. Якобсоном в Копенгагене.

Труд Т. Фенне содержит словарь, организованный по тематическому принципу, некоторые сведения по грамматике и диалоги на бытовые и торговые темы. Исследование этого источника установило достаточную точность записей русской речи купцом из прибалтийских немцев и добросовестность его информантов. В докладе рассматривается торговая лексика «Разговорника» и примыкающие к ней лексические группы. Названия товаров в этом докладе не привлекаются.

К собственно торговой лексике могут быть отнесены следующие группы слов: а) глаголы, относящиеся к купле-продаже; б) слова, характеризующие денежные отношения; в) названия лиц, принимавших участие в торговле; г) слова, называющие качества товаров, способы их продажи и хранения. Обширную группу составляет тесно связанная с лексикой торговли судебно-юридическая лексика.

Рассмотрение торговой лексики псковского рынка во временном и пространственном аспектах показывает, что значительное количество слов и выражений известно древнерусской письменности старшего периода и памятникам Московской Руси. Среди об-

щерусских слов отмечаются пары синонимов, один из которых употреблялся в XI—XV вв., а другой получил распространение в XIV—XVII вв. В псковской речи на рубеже XVII в. они сосуществовали. В торговой лексике употреблялись словообразовательные варианты общерусских слов, возможно носившие местный характер. Здесь представлены локальные значения слов, широко известных древнерусской письменности в других значениях. Некоторые слова, входившие в торговую лексику, следует признать местными, присущими псковско-новгородской письменности. Среди них представлены экспрессивно-неодобрительные слова. Местные явления обнаружены и в ряду устойчивых сочетаний фразеологического характера.

Рассмотрение состава торговой лексики «Разговорника» в сопоставлении с лексикой псковской деловой письменности XIV—XV вв. и некоторыми записями псковских летописей, в которых затрагивалась тема торговли и суда, показало, что значительная часть слов была общей. Следовательно, традиции делового языка Пскова периода его самостоятельности не прервались после присоединения Пскова к Москве, но в значительной степени сохранились и не только в языке деловых документов, но и в разговорной речи псковского рынка. «Разговорник» отметил в живом употреблении некоторые местные элементы псковской деловой лексики XIV—XV вв. Исследование торговой лексики «Разговорника» позволяет еще раз подчеркнуть несомненную связь лексического состава памятников деловой письменности русского Средневековья и словаря обиходной разговорной речи.

В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий

**Изображения Троицы на актовых печатах Пскова
(к иконографии композиции)**

На реверсе печатей владычных наместников Пскова второй половины XIV — начала XVI вв. помещено изображение ветхозаветной Троицы. Оно связывается с символикой главной святыни Пскова — собора Св. Троицы. Изображение Троицы указывало на принадлежность буллы к атрибутам юрисдикции псковских владычных наместников.

При функциональном «равенстве» изображений, они не являются адекватными друг другу. Различает их наличие или отсутствие целого ряда характерных деталей, имеющих значение для понимания философского догмата Св. Троицы: наличия или отсутствия перекрестия в нимбах центрального и боковых ангелов, наличие в левых руках ангелов жезлов или свитков, либо отсутствие их,

жесты правых рук ангелов, сервировка трапезного стола и т. п. Такие различия, можно полагать, не могли нести случайного характера и объясняться лишь вкусом или степенью мастерства торевтов, изготавливавших матрицы печати.

Догмат Троицы является краеугольным в христианской религии. В основе иконографического сюжета лежит библейский текст о гостеприимстве Авраама и Сарры и предсказанием одним из трех явившихся столетнему старцу странников рождения сына. Поэтому, изображение ветхозаветной Троицы — «всегда рассказ с вытекающими отсюда законами места, времени и действия» (Г. И. Вздорнов).

В IV в. н. э. (на Вселенском соборе 381 г.) был принят догмат о триединой сущности божества, воплотившегося в трех странниках. С этого времени изображения Троицы получили широкое распространение. Однако, единый иконографический тип выработан не был, поскольку богословское толкование догмата Троицы не было однозначным. «Никто из святых отцов и учителей церкви не сомневался, что в этом рассказе скрывалось одно из бывших Аврааму Богоявлений. Однако, были разногласия в следующем: а) являлся ли Аврааму Господь с двумя ангелами; б) или то были просто три ангела, служившие средством к внешнему обнаружению через них Божества; в) или же, наконец, то были в виде ангелов все три лица Святой Троицы» (С. Голубцов).

В иконографии постепенно сформировались два основных типа композиции: 1) изокефальное построение, отличительным признаком которого является фронтальное размещение трех фигур ангелов в ряд позади трапезного стола; 2) композиция, вписанная в полукруг с выделением центрального ангела, возвышающегося над прочими фигурами. Изокефальное построение — раннехристианское, нашедшее свое выражение в западной иконографии. Ангелы при этом построении мыслились как равные по достоинству друг другу (Н. В. Малицкий). Возможно, такое построение явилось в результате учения Блаженного Августина и других западных отцов церкви, склонявшихся к мнению, что в Богоявлении Аврааму участвовали три ангела (С. Голубцов). Иконографический тип с выделением центрального ангела отражал другое догматическое понимание Троицы: богоявление Аврааму трактовалось как явление Христа в сопровождении двух ангелов. Это толкование восходит, по-видимому, к Иоанну Златоусту (С. Голубцов).

В конце XIII — начале XIV вв. в Пскове употребляется анонимная булла общеновгородского типа (аверс: изображение Богоматери-Знаменье, Воплощение или Оранта; реверс: крест на подножии). После изменения отношений Пскова с Новгородом, зафиксированного Болотовским договором (первое упоминание —

1348 г.), печать владычного наместника Пскова получает принципиально иное оформление: аверс: многострочная атрибутивная надпись; реверс: изображение Ветхозаветной Троицы). До середины XV в. владычная булла Пскова анонимна. Со времени владычества Евфимия II атрибутивная надпись включает имя новгородского архиепископа. Этот тип печатей бытует до 1509 г.

В псковской сфрагистике зафиксировано не менее 12 пар матриц владычных печатей с изображением Св. Троицы. «Поматричный» анализ печатей позволил выделить девять матриц реверса.

Две матрицы анонимных владычных печатей (А_{1,2}) фиксируют совершенно идентичную иконографическую схему: все три ангела имеют крестчатые нимбы, что позволяет расценить композицию, как попытку передать догмат о триедином божестве. Благословляющий жест центрального ангела и буква «Х» около него (сокращение от Христос) указывают, что центральная фигура рассматривалась как воплощение образа Иисуса. На это же указывает увеличенный размер центрального ангела. Третья матрица (А₃) дает дробное изображение композиции «Гостеприимство Авраама и Сарры»: включает, кроме ангелов и трапезного стола, фигуры Авраама, Сарры и сцену заклания тельца. Все три ангела имеют нимбы, лишены перекрестий. Центральная фигура несколько увеличена по сравнению с боковыми. Это позволяет сопоставить изображение с Троицей на фреске в ц. Спаса на Ильине улице в Новгороде, принадлежащей кисти Феофана Грека. По мнению Г. И. Вздорнова, Троица Феофана фиксирует авторитарное понимание догмата, при котором центральный ангел является воплощением Христа, явившегося Аврааму в сопровождении двух ангелов. По-видимому, такая интерпретация применима и к изображению на псковской печати.

Наиболее ранняя из матриц именных печатей датируется около 1442 г. Композиция выполнена уверенной рукой хорошего мастера. Фигуры ангелов вписаны в круг. Ближайшей аналогией композиционному построению является Троица Андрея Рублева. В рублевской Троице совмещены две основные философские идеи: триединство божества и таинство евхаристии. Изображая Троицу на псковской печати 1442 г., торева исходил из иного прочтения богословской идеи: центральный ангел выделен крестчатым нимбом, над левым крылом его надпись IC—XC. Здесь мы безусловно располагаем изображением Троицы, символическое значение которой восходит к авторитарной интерпретации догмата.

Изображению на матрице 1466 г. присуща композиционная незавершенность. Боковые ангелы размещены по бокам трапезного стола, но фигуры их спрямлены и композиция в целом приближается к изокефальному построению. Нимбы всех трех ангелов лише-

ны перекрестий, в руках у них — учительские свитки. Ближайшей аналогией является знаменитая храмовая икона Троицкого собора Пскова (ГТГ). «На Псковской Троице — ярко выражена идея триничности божества, равенство лиц и тождество их» (С. Голубцов). Эта интерпретация применима и к печати 1466 г.

На матрице 1469 г. все три ангела изображены с перекрестиями в нимбах. Фигура центрального ангела заметно увеличена, а в руках креста прослежены буквы. Этот иконографический тип соответствует ортодоксальному прочтению догмата о триединстве божества и персонифицирует центрального ангела как Иисуса. Важно, что торец не понимал евхаристийного значения чаши на трапезном столе. Он изобразил в сервировке трапезы три чаши по числу ангелов, тем самым превратив чаши в элемент композиции «Гостеприимство Авраама».

Матрица 1471 г. дает иконографический тип Троицы аналогичный вышеописанному (за исключением выделения центрального ангела). Изображение характеризует тяга резчика к избыточной орнаментальности в проработке деталей. Композиция плоскостная, изображение излишне геометризировано.

Матрицы 1484 и 1486 гг. чрезвычайно близки между собой. Изображение выполнено в технике высокого рельефа, мастерски вписано в круг. Удивительная точность передачи пропорций человеческой фигуры, выражения лиц, складок одежд, подчеркивающих объем тела — показывают, что матрицы резались исключительно талантливыми торецтами. В обоих случаях фиксируется рублевский извод композиции, но данный в зеркальном изображении: центральный ангел изображен в повороте влево, в обращении к ангелу, сидящему ошую. Связывать зеркальность композиции с ошибкой мастера, резавшего матрицу без учета на оттиск, не приходится. Несмотря на близость композиционного построения матриц 1484 и 1486 гг., между ними существуют различия. Матрица 1484 г. фиксирует крестчатые нимбы у всех трех ангелов. На матрице 1486 г. крестчатый нимб только у центрального ангела. Отличие имеет безусловно догматическое значение: Троица на булле 1484 г. соответствует ортодоксальному догмату триединства божества, в то время как Троица на булле 1486 г. несет изображение Иисуса и двух ангелов. Так как обе печати скрепляли документы от имени новгородского архиепископа Геннадия, ситуация подобной смены печати оказывается в высшей степени неожиданной. В это время учение о Божоявлении Аврааму Иисуса с двумя ангелами рассматривалось как ересь («Просветитель» Иосифа Волоцкого). Пока дать объяснение этому наблюдению затруднительно.

Анализ иконографических особенностей изображений Троицы

на владычных печатях Пскова показывает, что в разное время философская оценка композиций Троицы была различной. Выявленные различия нельзя не учитывать при изучении социально-политической истории Псковской феодальной республики

Н. Н. Фараджева

Домостроительство Псковского городища

Неоднородность археологического материала и сложность стратиграфии Псковского городища неоднократно отмечались исследователями памятника. В докладе анализируются зафиксированные раскопками следы домостроительства. Суммированы материалы раскопок 1930—1978 гг. (исследования К. К. Романова, Н. Н. Чернягина, С. А. Таракановой, Г. П. Гроздилова, В. Д. и С. В. Белецких). Анализ строительных остатков Псковского городища позволил внести некоторые уточнения в схему деления на типы Псковских жилищ, предложенную С. В. Белецким.

Тип I (VI—VII вв.). Жилища, условно называемые полужемлянками или наземными постройками с углубленными полами. Выявлены в виде неглубоких котлованов подчетыреугольной формы со следами столбовых ямок по краю, углубленным привходным устройством и печью-каменкой, расположенной в углу дома. Имеют сходство с общеславянским жилищем культур пражского типа и жилищами Прибалтики. Анализ массового археологического материала позволяет говорить о возможности существования у построек данного типа специальных привходных конструкций, вынесенных за пределы основной жилой части сооружения; их незначительной заглубленности и о наличии в них деревянных полов. Возможен и вариант реконструкции, предложенный Г. В. Борисевичем: привходное устройство и стены сооружения вынесены за пределы жилищной ямы.

Тип II (VIII—IX вв.). Постройки с глинобитными полами. По способу сооружения стен и конструкциям отопительного устройства разделены на два подтипа. Тип IIа. Жилища со столбовой конструкцией стен и отопительным устройством в виде открытого очага, окаймленного по периметру плитняковым камнем, расположенного в центре помещения. К жилищам данного типа относится группа строительных остатков, интерпретированных С. А. Таракановой как «жертвенники». Аналогии постройкам данного типа встречены на городищах Камно, Изборск. Тип IIб. Срубные жилища с глинобитными печами на каменном (булыжном) опечье, расположенными в центре. К ним относятся т. н. «железоплавильные горны» (по С. А. Таракановой) и ряд других строительных остат-

ков. Аналогии зафиксированы на городищах Камно, Асотское, Изборское и на поселении на озере Съезжее. Следует отметить, что на латгальских памятниках данный тип построек датируется несколько более поздним временем, чем на Псковском городище (начиная с IX в.).

Тип III. Представлен наземными постройками с деревянными полами, печью каменной в углу дома и срубной конструкцией стен. Появляются на городище в IX в. Данный тип построек можно считать общеславянским типом жилища, характерным для северо-западных и северо-восточных областей Руси (Новгород, Старая Ладога, Старая Русса, Белоозеро, Изборск и др.).

Планографическое и топографическое распределение построек различных типов на значительной площади смежных раскопов (№№1, 4, 5, 9 и № 2, 3 — раскопки 1946—1949 гг., 1977/1978 гг.) дают основания говорить о преемственности отдельных традиций и о наличии факта одновременного бытования построек типов IIa, IIб, III в конце IX — первой половине X вв. Так печь-каменка, характерная для построек типа III в какой-то мере наследует приемы сооружения отопительных устройств в жилищах типа IIб. Возможно, что в отдельных домах типа II уже существовали деревянные полы, о чем свидетельствуют многочисленные прослойки древесного тлена. Четко прослеживается процесс привнесения новых строительных традиций в конце IX — начале X вв. Наличие же многочисленных фактов сосуществования построек типов IIa, IIб, III позволяет говорить о процессе ассимиляции аборигенного населения эмигрантами, занявшем значительный отрезок времени (около 50—70 лет, начиная с конца IX в.).

Вл. В. Седов

Псковская архитектура первой половины XIV в.

После монгольского нашествия в Пскове, как и в Новгороде, прекращается каменное строительство. Лишь в 60—70-х годах XIII в. возводятся каменные храмы, связанные со строительной деятельностью князя Довмонта (ц. Тимофея Газского, 1268 г.; Георгия, 1269 г.; Федора Стратилата, 1272 г.). Ц. Федора Стратилата раскрыта экспедицией Гос. Эрмитажа. Это небольшой 11x8 м) бесстолпный храм, близкий по плану к перекрывшей его постройке 1385 г. Новым в храме было отсутствие кирпича — весь храм был построен в камне. Такими же, вероятно, были и остальные постройки Довмонта.

Сооруженный в 1310-1311 гг. собор Рождества Богородицы Снеготорского монастыря по своему плановому решению и оформ-

лению фасадов является повторением Спасского собора Мирожского монастыря XII в. Видимо, к началу XIV в. постройки XII в. воспринимались как традиционно псковские и повторение форм Спасского собора свидетельствует о стремлении к оформлению собственной псковской традиции каменного зодчества. Собор полностью выстроен из плитняка и имеет чуть вытянутые пропорции по сравнению с прототипом XII в. Новым в декоративном оформлении собора был стрельчатый аркатурный пояс на барабане.

В конце 30 — начале 40-х годов в Пскове появляются храмы, связанные с новгородской традицией. Это свидетельствует о том, что несмотря на оформление политической самостоятельности, главным источником художественных импульсов, по-видимому, остается Новгород. В 1339 году закладывается ц. Михаила и Гавриила Архангелов, которая, вероятно, была главенствующей в градостроительной системе посада за стеной 1309 г. По своим размерам (14,8x14,5 м) она приближается к так называемым «большим храмам» Новгорода более позднего времени (ц. Благовещения на Городище, 1342—1343 г.; ц. Федора Стратилата, 1360 г.) Одноглавый крестовокупольный храм с подковообразной абсидой и квадратными столбами близок к новгородским памятникам первой половины XIV в. Угловые компартименты ц. Михаила Архангела перекрыты коробовыми сводами. Фасады храма не имели членения лопатками на прясла; лопатки располагаются на углах четверика. Судя по сохранившимся деталям, церковь имела позакмарное покрытие со средними закомарами, выступающими из плоскости стены уступчатыми консолями, как в ц. Спаса на Ковалева (1345 г.) и Мины на Торгу в Старой Руссе (середина — вторая половина XIV в.). Характерной деталью новгородской архитектуры является окно над абсидой. Отличительной чертой ц. Михаила Архангела является применение повышенных подпружных арок. Если прав Ю. П. Спегальский, который относит арки к 1339 г., а не ко времени перестройки сводов в 1698 г., то этот храм оказывается первым памятником с повышенными подпружными арками в русской архитектуре XIV в.

Такое же сочетание новгородского плана и необычных сводовых конструкций представляет собой Никольский собор в Изборске (между 1330 г. — строительством каменных укреплений — и 1341—1343 гг. — первые упоминания собора). Крестовокупольный, одноглавый храм с подковообразной абсидой имеет размеры, близкие к новгородским памятникам середины XIV в. (12x12 м). Угловые компартименты покрыты коробовыми сводами, а рукава креста перекрыты системой ступенчатых арок, причем, подпружные арки — пониженные. Ближайшую аналогию такой конструкции мы находим в ступенчатых арках ц. Благовещения на Городище (1342—

1343 г.). Фасады храма имели трехчастное членение лопатками, стянутыми лопастными арками. Такое решение предполагает пофронтонное покрытие и близко к завершению ц. Николы Белого (1312—1313 г.) и Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде (1345 г.).

Ц. Михаила Архангела и Никольский собор в Изборске были построены новгородскими зодчими, возможно, из артели архиепископа Василия, что подтверждает перерыв в строительстве Новгорода с 1336 по 1341 гг., а также близость новгородских и псковских памятников этого времени. Храмы Пскова и Изборска можно было бы назвать репликами на новгородское зодчество первой половины XIV в., если бы в них не было нехарактерного для Новгорода решения подкупольного квадрата. Повышены подпружные арки ц. Михаила Архангела и ступенчатые своды в Никольском соборе делают эти храмы явлением необычным в архитектуре Северо-Западной Руси. В Новгороде ступенчатые своды появляются позже Никольского собора: в ц. Благовещения на Городище, которая, видимо, построена теми же мастерами и близка по архитектуре псковской группе храмов. Вероятно, источником нового решения подкупольного квадрата была Северо-Восточная Русь, в архитектуре которой ранее всего могли появиться повышенные подпружные арки. Мы слишком мало знаем памятники Северо-Востока, чтобы сказать — Тверь (контакты с которой были особенно интенсивны в 1327—1337 гг.) или Москва были источником данного конструктивного приема.

Еще одним памятником первой половины XIV в. является ц. Покрова в Довмонтовом городе, открытая экспедицией Гос. Эрмитажа в 1973—1978 гг. Это четырехстолпный храм небольших размеров (12x12 м) с одной абсидой. Сохраняется трехчастное членение стен лопатками, что предполагает пофронтонное покрытие как и в Изборском соборе. Новгородскими чертами в этом здании являются арочные перемычки от восточных столбов на северную и южную стены, предполагающие настил в восточной части и крещатые столбы (как в ц. Знамения на Ильине улице, 1354 г.). Плановое решение и детали церкви Покрова позволяют поддержать датировку В. Д. Белецкого, относящего постройку к 1352 г.

Именно из этих памятников новгородского круга, во второй половине XIV в. выльется собственное направление. Пофронтонное покрытие при коробковых сводах в угловых компартиментах, трехчастное деление фасадов лопатками с лопастными арками, повышенные подпружные арки — будут составными частями псковского зодчества. В целом для псковской архитектуры первая половина XIV в. является временем накопления приемов, которые затем будут характерными для развитой псковской школы.

А. П. Конов

К изучению памятников псковской архитектуры XIV в. (ансамбль храмов у восточной стены Довмонтова Города)

В период с июля 1982 г. по настоящее время АРМ-4 ЛФИ «Спецпроектреставрация» производит комплексные исследования ансамбля храмов у восточной стены Довмонтова Города. За это время произведена значительная часть натурной фиксации, составлена предварительная историческая справка, по натурным остаткам выявлены границы основных строительных напластований.

Исследования показали, что комплекс ансамбля состоит из трех храмов, сооруженных в разное время и позже докомплектованных различными пристройками. Выявились две группы построек с безусловной относительной хронологией их возведения. К южной (условно) группе отнесены: строительный пласт храма № 8 и перекрывающий его строительный пласт «А» (остатки крайней с юга постройки). Северную (условно) группу составили следующие строительные пласты: нижний — храма № 9, средний — храма № 10, верхний — южного притвора храма № 9. Таким образом, относительная хронология возведения построек в каждой отдельной группе ясна.

Однако, в сопоставлении между собой обе группы не дают единой картины относительной хронологии возведения построек. Строительный пласт храма № 8, хотя и перекрыт строительным пластом южного притвора храма № 9, но не сопоставим со строительными пластами храмов № 9 и 10 в отдельности. Храм № 8 с южной, относительно поздней пристройки возведен ранее южного притвора храма № 9. В то же время, он мог быть возведен как ранее храма № 9, так и позже храма № 10.

Последнее убеждает, что данные о выявленных строительных напластованиях не могут являться важнейшим и основным аргументом для атрибуции построек без сопоставления их с археологической стратиграфией, прослеженной по ансамблю в целом.

И. И. Лагунин

К вопросу о датировке Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря

Первая половина XII в. для Пскова — время резкого подъема политической активности, которая отразилась в строительстве разных по характеру храмовых построек. Особенно широко извест-

тен Мирожский собор. Однако многие вопросы истории этого памятника остаются предметом дискуссии.

Вопрос о датировке Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря осложняется тем, что исторические события в Пскове XII в. мы знаем в свете небеспристрастных новгородских источников. Мирожский собор связан с именем новгородского архиепископа Нифонта и упоминается в год смерти владыки под 1156 г. в перечне последних его наиболее крупных работ. О фресках собора здесь не сообщено.

В статье М. Н. Соболевой о стенописях Спасо-Преображенского собора уже обращалось внимание на дополнительный источник по истории постройки — на «Служебник» мирожского монастыря, введенный в научный оборот вместе с «Синодиком» (Л. А. Творогов). Имена князей-заказчиков расшифровываются как имена Святополка Мстиславича, новгородского Ярослава, Юрия Долгорукого с сыновьями Мстиславом, Борисом и Глебом, его союзника Святослава Черниговского. Столь значительный перечень имен, при том что новгородские и псковские источники строителем называют Нифонта, действительно позволяет сузить временные рамки появления памятника, фрески которого стилистически трудно вывести за рамки 50-х гг. XII в.

Анализ событий, связанных с перечисленными выше князьями, позволяет ограничить время возведения собора короткими хронологическими отрезками — 1150 и 1155/56 гг. Это периоды, когда Юрию Долгорукому удается восстановить права на киевский великокняжеский престол и поддержать Нифонта в его борьбе с киевской митрополичьей кафедрой за традиционные вассальные отношения с константинопольскими патриархами. Есть основания считать Спасо-Преображенский собор своеобразным памятником в честь восстановления этой «старини».

Интересно наблюдение реставраторов о том, что для живописцев были оставлены строительные леса: в основании барабана и в уровне импостов заметны штукатурные вставки и более яркие полосы живописи, выполненные позднее, после разборки строительных лесов, в технике чистой фрески. Это наблюдение свидетельствует о том, что украшение собора фресками было задумано с самого начала. Однако между завершением строительства и созданием живописного декора храма было еще два строительных периода, связанных с изменением первоначального архитектурного замысла. «Чистый» крестовокупольный храм сначала получает более скромное покрытие пониженных западных камер тесом, а позднее обе пониженные камеры надстраиваются до уровня планового креста, что окончательно нарушило «идеальный» по пропорциям замысел, но приблизило памятник к псково-новгородским традициям.

Только после этого храм был расписан, тоже не полностью. Первоначально предполагалось украсить мозаиками нижнюю часть алтаря, но артель приглашенных для росписей мастеров не смогла выполнить эту работу. Нижние регистры алтарной апсиды (в том числе — славянские надписи в нижних частях ансамбля) выполнили местные мастера.

Сложная строительная история предполагает не менее сложную историческую обстановку, в условиях которой создавался мирожский храм. Об этом же свидетельствует и список князей, заказчиков. Кроме союзников Юрия Долгорукого в списке значатся имена Ярослава и Святополка Мстиславича. Не случайно постройка появилась в Пскове, а участие Юрия Долгорукого в строительных работах в самом Новгороде едва ли было возможным. Юрий Владимирович постоянно находился в состоянии вражды с новгородцами, и только новгородский владыка Нифонт установил союзнические отношения с претендентом на киевский престол. Этот союз между Юрием и Святославом черниговским «на Спашь день» в 1147 г., вероятно, и был подкреплен впоследствии строительством союзной постройки в Пскове, которая после победы Юрия Долгорукого над Киевом приобрела новый смысл и значение.

История создания Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря может выглядеть следующим образом. Основание собора относится к 1147/48 гг., когда в Новгороде еще княжит Святополк Мстиславич, но приходится на время уже после разрыва киевской митрополии с Константинополем и союза «на Спашь день». Характерно, что Нифонт в эти годы ведет работы либо у себя в Софии, либо за пределами Новгорода. Святополку близок Псков, где он стал одним из первых псковских князей и оставил после себя вассального князя Аведа. Уже в самой архитектуре Нифонт преследует политическую цель. Если строителями были псковичи и новгородцы (плинфа по шкалам хотя и архаичная, но новгородская), то архитектурный замысел явно «византийский». Возможно, Нифонт так и не успел полностью завершить постройку, поскольку в 1149 г. он был отозван в Киев и заточен в Киево-Печорском монастыре. Его освобождает Юрий Долгорукий, захвативший Киев. Уже при Ярославе в 1150 г. храм достраивается и непосредственно ведет работы псковский Авед (скромный характер работ). Следующий период связан с новым подъемом активности суздальского князя. В 1154 г. он сажает в Новгород сына Мстислава. Работы в Мирожке возобновляются, ведь собор так и не был расписан. Надстраиваются в соответствии с местными вкусами угловые камеры. В 1155 г., когда Юрий Долгорукий одержал решительную победу и возобновил отношения с Константинополем, из Византии была вызвана одна из лучших артелей (кон-

стантинопольский характер живописи) и направлена в Псков. Живописцы работали, вероятно, только один сезон и были отозваны, не завершив алтарную часть. Это сделали местные мастера около 1156 г.

Н. Б. Селиванова, В. А. Булкин, О. В. Овсянников

Предварительные результаты изучения псковских строительных растворов (Мирожский монастырь)

Во время работ 1974 — 1979 гг. Мирожской архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Псковского музея-заповедника из кладок существующих построек Мирожского монастыря в г. Пскове (Спаса-Преображенский собор, Стефановская ц., Братский и Настоятельский корпуса), а также из остатков древних каменных сооружений, раскрытых на территории монастыря, были взяты образцы строительных растворов. Исследование петрографических шлифов позволило выделить следующие типы растворов: а) известково-карбонатно-цемяночный (состоит из известковой вяжущей массы, в которую замешаны куски известняка и обожженной глины), характерный для Спаса-Преображенского собора; б) известково-[карбонатно]-песчаные растворы, на которых были сложены остальные строения монастыря. Среди этих растворов удалось выделить несколько петрографических групп, отличающихся друг от друга количеством песка-наполнителя, степенью его окатанности, размерами песчинок, количеством обломков известняка, характерных для состава наполнителя в некоторых образцах, количеством недожога (реликтовых кусочков известняка, полностью не перешедших в известь в процессе обжигания).

Разделение образцов на группы по петрографическим признакам позволяет: а) считать наиболее древним и характерным раствором основного объема Спаса-Преображенского монастыря; идентифицировать блок кладки, обнаруженный при раскопках в траншее X среди другого строительного мусора, оставленного во время древней перестройки собора с наиболее древним известково-карбонатно-цемяночным раствором собора; б) выделить группу каменных сооружений, обнаруженных во время раскопок и характеризующихся единой группой строительных растворов: участок каменной кладки (предположительно XV—XVI вв.) под Стефановской ц. и комплекс звонницы (предположительно XVI в.) у южного фасада собора; в) подтвердить одновременность кладок I и II этажей Стефановской церкви (XVII в.); г) выявить одновременность сооружения тех участков кладок, которые были обнаружены во время раскопок в южной части монастырской территории

(«границы» растворов почти всегда совпадают со стыками кладок, прослеженными археологически).

Таким образом, петрографический анализ групп растворов подтвердил уже известные этапы строительной «биографии» монастырского комплекса. Нет сомнения, что мирожская «шкала» растворов может послужить основой для более широкого изучения строительных растворов древнего Пскова.

В Спасо-Преображенском соборе были взяты замеры древнего кирпича. Храм сложен из чередующихся рядов плинфы и плиты на цемяночном растворе. Размеры плинфы (основное здание): 330x230x55 мм. Встречаются плинфы до 380 мм длиной и 60 мм толщиной (верхние палатки). Этот размер плинфы соответствует новгородской плинфе времени мастера Петра (20—30-е годы XII в.), хотя псковская плинфа несколько толще. В этот же «стандарт» плинф входят и размеры плинф Иоановского монастыря (335—380x225—235x45—50 мм). Таким образом плинфа Мирожского монастыря органично входит в новгородскую шкалу первой половины XII в.

В траншее X у северного фасада собора среди строительного мусора было выявлено несколько фрагментов поливной черепицы. Фрагменты имеют форму, характерную и для деревянного лемеха — «зубчики» по краю лопасти, незначительное расширение лопасти лемеха в нижней части. Толщина этих фигурных плиток 10—20 мм. В верхней части плиток были отверстия для крепления гвоздем к деревянному покрытию. Плитки покрыты поливой, преимущественно с внешней плоскости (на нижней плоскости только затеки). Полива распределяется на плитках неравномерно, она бледно-зеленого, «грязноватого» цвета (т. е. отличается от интенсивно зеленых поливных изделий Пскова XVII в.). В лаборатории ЛОИА был проделан анализ (В. А. Галибин), выявивший следующие особенности глазури: высокое содержание свинца; в качестве красителя использована медь с невысоким содержанием окиси меди (0,15—0,24%); высокое содержание сурьмы (до 1,2%).

Ю. Л. Шапова, В. И. Лабутин

Стекло древнего Пскова

В докладе предложено первое обобщение данных о стеклянных изделиях, найденных при раскопках в Пскове. Изучены материалы из раскопок на ул. К. Маркса (ПОГ-67), на месте института Псковгражданпроект (ПГПр-72), у Псковского пединститута (ППИ-67, 68, 69, 70; ПГПИ-73, 74) и на пл. Ленина (ПЛ-76, 78, 81, 82). Общая площадь раскопов 3478 кв. м. С этой площади проис-

ходит более 700 стеклянных изделий, во фрагментах и целых. Основные задачи работы: 1) определение номенклатуры псковских находок из стекла; 2) установление их хронологии; 3) определение происхождения изделий.

Основная часть находок представлена бусами, меньше оконного стекла, посуды, браслетов, перстней, пуговиц. Посуда и оконное стекло в Пскове составляют примерно половину всех находок, в то время как в других городах (например, в Новгороде) — лишь около четверти.

Датирование псковских стеклянных находок произведено по аналогиям со стеклянными изделиями хорошо известными в других городах и курганах древней Руси. Датирование аналогией основано на результатах изучения химико-технологического комплекса признаков в сочетании с морфологией и стилистикой изделий. Основная часть стеклянных бус приходится на домонгольское время (преимущественно X — первая четверть XI вв.). Основная часть оконного стекла относится к XIV—XVII вв. Браслеты датируются последним столетием перед монголо-татарским нашествием. Посуда встречается на протяжении всего времени, к которому относятся археологические слои. Перстни и пуговицы в основном относятся к домонгольскому времени.

Происхождение псковских находок из стекла определялось по аналогии с изделиями, изученными более подробно: технология изготовления, химический состав, форма и декор. Существенную роль в определении времени бытования стеклянных изделий играют книжные иллюстрации, изобразительные материалы и западно-европейская живопись XV—XVII вв.

Псковские находки бус X — первой четверти XI вв., как все аналогичные им древнерусские бусы, происходят из сирийских мастерских, бусы XI в. — из мастерских Византии, бусы XII—XIII вв. — из киевских мастерских. Из Византии, кроме бус, в XI—XII вв. поступали в Псков оконное стекло, сосуды, перстни и пуговицы, все в очень небольших количествах. Особенно интересна чернильница — бальзамарий. Небольшие количества древнерусских киевских сосудов, бус, перстней и браслетов присутствуют среди домонгольских древностей. Обращает на себя внимание чрезвычайно и необычная для древней Руси редкость стеклянных браслетов.

Находки XIV в. и более поздние принадлежат к числу западно-европейского импорта (оконное стекло, посуда, перстни).

Кустодии из раскопок в Пскове

При раскопках в Окольном городе Пскова (ул. Гоголя, 9) в 1978-1979 гг. в 15 и 17 пластах и в районе раскопа была найдена серия небольших предметов в виде круглых коробочек из металла. По своему назначению они могут быть предположительно определены, как кустодии — «металлические, костяные, роговые и т. п. коробочки, в которые для большей сохранности вкладывались печати. Кустодии обыкновенно бывали или при печатях большого размера, или при тех актах, которые назначаемы были для частного употребления» («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVII. СПб., 1896, с. 128). Найдено 2 целых экземпляра и 7 половинок. Предметы слегка выпуклые, изнутри — пластинчатые, отступающие от края ободки, при сложении половинок образывавшие внутреннюю емкость. По внешнему виду псковские находки делятся на две группы: 1) «с распластанным краем» (2 экз.) — половинки плотно смыкаются друг с другом, края их распластаны, внутренняя емкость не видна, на обеих половинках есть пластинчатые петельки; 2) «с зазором» (7 экз.) — края половинок не смыкаются при соединении, видна внутренняя емкость, петелек нет. По оформлению наружной поверхности выделяются: орнаментированные и неорнаментированные предметы. На одной из орнаментированных находок в центральном медальоне, обрамленном однорядным «жгутиком», изображен всадник влево. Он развернут в фас, на левой руке сокол, в правой — повод коня и цветок (?), на голове — пышный убор с развевающимися перьями, у пояса сабля или меч, на ногах шпоры с колесиком; конь с длинной изящной шеей и маленькой головой, у его ног — собака. Центральный медальон вкомпонован в 6-лепестковую розетку, по стержню которой извивается пышный растительный орнамент. Он составлен из побегов, выходящих из кружков на стержне розетки и кончающихся бутонами с «тычинками - бусинками» на концах. Все изображение оконтурено однорядным «жгутиком». На втором предмете в центральном круглом медальоне дано изображение всадника, вправо; в правой его руке копье, опущенное вперед вниз, в левой — повод коня; на всаднике пышный головной убор, позади у седла — лук; на лошади попона, скакун по экстерьеру схож с описанным ранее, сходна и манера изображения галопирующей лошади. Центральный медальон вкомпонован в 5-лепестковую розетку, по лепесткам которой и между ними идет орнамент из «павлиньих глазков». Все изображение оконтурено двухрядным «жгутиком». Оба рассмотренных предмета относятся к группе «с

зазором» и без сомнения стилистически и композиционно родственны. Оба они выполнены по единой технологии — отливки в каменных формах вместе с орнаментами и ободками. Ближайшие аналогии им известны в Новгороде среди находок Готского раскопа 1971 г. и Троицкого раскопа 1972 г. Датируются псковские находки XV — рубежом XV—XVI вв. Они относятся к западноевропейским по происхождению.

Третий орнаментированный предмет отличается от вышеописанных. На обеих его половинках в центральном круглом медальоне, обрамленном однорядным «жгутиком», помещено изображение хищника кошачьей породы (барса?), вправо, с поднятой лапой, раскрытой пастью, закинутым на спину и раздвоенным на конце хвостом. Медальон отлит по восковой модели и напаян на цельнолитые половинки, вплотную к нему примыкает орнаментальный поясик из гофрированной проволоки, напаянной на коробочку. Точно такой же поясик идет по распластанному краю, пространство между орнаментальными поясками свободно. Поверх краевого пояска на обеих половинках напаяны ленточные петельки. Вокруг центрального медальона, вероятно, для большей прочности его прикрепления напаяна свинцовая полоска, почти полностью закрывшая «жгутик». Учитывая манеру украшения русских ювелирных изделий XIV—XV вв. гофрированной металлической лентой, часто встречаемое изображение барса в круге на предметах псковского литья (колокола XVI — нач. XVII вв., перстни XV—XV вв.), керамике (изразцы XVI—XVII вв.), псковских республиканских монетах второй половины XV — начала XVI вв. и «печатах Господарства Псковского» XVI в., этот предмет датируется второй половиной XV — XVI вв. и относится к псковским изделиям.

Неорнаментированные находки выполнены по единой технологии: вырезаны из листа металла, на мягкой подушке придана слегка выпуклая форма, затем припаян внутренний пластинчатый ободок; все они с «зазором». Лишь один экземпляр — с «распластанным краем» — изготовлен иначе: отлит с ободком в каменной форме, напаяны краевая проволока и пластинчатая петелька. Поскольку аналогии неорнаментированным псковским находкам не встречены, датировать их можно по слою в широких пределах XV—XVII вв.

Предварительный спектральный анализ показал, что неорнаментированные находки и кустодия с барсом содержат высокий процент железа. Олово и свинец, содержащиеся в долях процента, — указывают на оловянное лужение. Этот факт, а также использование свинца в некоторых случаях для изготовления внутренних

ободков дают основание предположительно отнести эти предметы к местному производству.

И. А. Цирпонс

Страницы истории псковского театра

Первые печатные сведения о гастролирующих в Пскове театральных труппах относятся к началу XIX в. (1819 г.). Газета «Псковские губернские ведомости» неоднократно сообщает о гастролирующих в городе труппах, о их репертуаре, приезде отдельных знаменитостей. О подобных выступлениях можно прочесть в воспоминаниях известного писателя и историка-псковича Р. М. Зотова. Постоянного театра Псков не имел, хотя попытки к его созданию предпринимались. Одним из инициаторов этого в 40-е годы XIX в. был псковский уездный предводитель дворянства М. М. Грушецкий.

Первый публичный театр в Пскове был построен в 1876 г. Это позволило держать в городе труппу в течение целого театрального сезона. На протяжении целого сезона удерживались лишь те труппы, в репертуар которых помимо переводных пьес входила русская и зарубежная классика и которые имели стабильный актерский ансамбль (напр.: труппа известного провинциального антрепренера Д. П. Лаухина). Деревянный театр просуществовал несколько лет и погиб во время пожара.

Кроме профессиональных актеров в Пскове давали спектакли любители. В 1884 г. в городе было создано музыкально-драматическое общество. В 1886 г. в качестве режиссера общество пригласило известного театрального деятеля В. Рокотова. В музыкально-драматическом обществе начал свой творческий путь известный русский актер К. В. Бравич. На сцене общества закончился творческий путь известной провинциальной актрисы Н. И. Степановой-Новиковой. Автором многих небольших пьес был известный драматург В. О. Трахтенберг (ВОТ).

Идеи создания в России общедоступного театра с классическим репертуаром нашли отклик и среди передовой интеллигенции Пскова. В 1896 г. у псковского вокзала Варшавской железной дороги по инициативе начальника тяги Р. А. Прейса создается народный железнодорожный театр. Большую помощь в его создании оказывал актер-любитель Н. А. Листов, исключенный из Петербургского университета за участие в студенческих волнениях. Пскович по происхождению, он связал свою творческую жизнь со своим родным городом. Сборы со спектаклей железнодорожного театра шли в помощь сиротам, для оказания помощи семьям ра-

бочих, на устройства школы. В 1898 г. открывается городской Народный театр в Сергиевском саду. Сцена Народного театра в Пскове явилась хорошей школой для таких мастеров русской сцены как Е. П. Корчагина-Александровская, И. А. Слонов, Б. Глаголин, Е. Полвицкая и др. На ней выступали многие мастера театра (К. Варламов, В. Давыдов, Л. Менделеева-Блок — по сцене Барсаргина).

1900 годы — период подготовки первой русской революции — сказались и на театральной жизни города. Появившаяся на сцене псковского театра пьеса С. А. Литвинова и В. Крылова «Контрабандисты», вызвавшая негодование прогрессивных сил, была сорвана в 1901 г. собравшимися на спектакль зрителями во главе с находящейся в Пскове группой политических ссыльных. Был вызван усиленный состав полиции. В 1900 г. театр обращается к М. Горькому. Псковичи знакомятся с его пьесами «Мещане» (1903 г.) и «На дне» (1904 г.).

В 1903 году начинается строительство в городе Народного дома — культурно-просветительного учреждения, носящего имя великого поэта А. С. Пушкина. Он был построен в 1906 г. С его открытием начинается история Псковского областного драматического театра им. А. С. Пушкина — богатая разнообразными фактами и событиями, театра, прошедшего путь становления от первых дней советской власти до наших дней.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

А. Р. Артемьев

Города Псковской земли в XIV — начале XVI вв.

Проблема происхождения и развития раннесредневекового города в Псковской земле к настоящему времени достаточно освещена в археологической литературе (С. В. Белецкий, 1980; К. М. Плоткин, 1980).

В гораздо меньшей степени изучены вопросы развития уже существовавших городов и процесс образования новых поселений городского типа и их упадка в Псковской земле XIV—начале XVI вв.

Считая, что основой для существования города является наличие вокруг него определенной сельскохозяйственной округи, которая, в свою очередь, нуждается в ряде существенных услуг, мы положили в основу работы пространственный и функциональный методы при учете абсолютной величины города (площадь территории, окруженной крепостными стенами). Исследуемыми функциями бы-

ли: политические, административные, правовые, оборонные, культурные, сельскохозяйственные, путей сообщения, снабженческие, ремесленно-промышленные и торговые, причем, базовыми, т. е. притягивающими определенную территорию (зону влияния) мы считали последние три.

В целом историю городов Псковской земли можно подразделить на три основных периода: 1) середина X — первая четверть XIV в.; 2) вторая четверть XIV — первая четверть XV в.; 3) вторая четверть XV — начало XVI в.

1. Древнейшие города Земли возникают в районах с устойчивым населением еще со времен длинных курганов, поселения которого в исследуемый период надежно фиксируются по жалынничным могильникам. Это Псков (середина X — начало XI в.), Изборск (середина X в.), Воронач (XI—XII вв.) и Остров (конец XIII — начало XIV в.). Все они имели в этот период значительные зоны влияния, несколько вытянутые вдоль транспортных магистралей, на которых они находились. Наличие базовых функций у этих городов надежно устанавливается по археологическим и летописным данным.

2. Во второй четверти XIV — первой четверти XV в. продолжается процесс наращивания псковскими городами новых функций: административных, оборонных, правовых и культовых. Существующие в этот период так называемые «городки» — Гдов, Городец, Сторожинец, Дубков и Черница — обладали лишь оборонными и отчасти административными функциями. Их абсолютные величины не превышали 0,5 га, в то время как площадь городов была не менее 1 га.

Обращает на себя внимание и требует объяснения быстрый и колоссальный рост Пскова, площадь которого в 1309 г. достигает 23 га (площадь территории города дается по материалам И. К. Лабутиной), а в 1375 г. — 40 га (ср.: площадь второго по величине в этот период Изборска — 2,4 га). Согласно новейшим исследованиям Псковской Судной грамоты (Ю. Г. Алексеев, 1980), вместе с одной из основных черт мелкого вотчинника-крестьянина — генетической связью с волостным крестьянским миром, — выпадает при становлении его вотчинником-горожанином и другой элемент — податной характер мелкой крестьянской вотчины, потому что в условиях вечевого республиканского мелкий вотчинник, член городской общины, ни в какое тягло не тянет. Именно по этой причине, вызвавшей отток населения из волостей, столь сильно разросся Псков. Остальные города Земли, судя по всему, не имели материальных возможностей, да и права, на увеличение своей территории, потому что во второй четверти XIV в. в Псковской земле оформляется пригородная система, при которой города, а точнее подразумеваю-

щиеся под ними волости, начинают тянуть в тягло Пскову.

Около середины XIV в. к числу псковских пригородов добавляется Велье, а в конце XIV — начале XV в. — Коложе, Котелно и Врев. Все они, за исключением Опочки (Коложе), не связаны с торговыми путями, а возведены в районах с высокой плотностью населения. Теперь зоны влияния городов Земли, приближающиеся, в плане, к концентрическим окружностям, равномерно покрывают всю основную территорию вечевого республиканского государства.

3. В 1467/1468 гг. семь пригородов, о которых шла речь выше, упоминаются в Псковской летописи, как «старые». Новые пригороды, построенные в 1413 г. — Гдов, в 1462 г. — Кобыла и Владимирец, в 1446 г. — Красный и в 1476 г. — Вышгородок, отвечали потребностям нового периода. Все они, за исключением Гдова, не имели базовых функций, а обладали лишь оборонными, культовыми и некоторыми административными функциями. Зоны их влияния минимальны, площадь двух из них — Красного и Владимира — менее 1 га.

Начиная со второй четверти XV в. в социальном облике «старых» пригородов намечается явный регресс: базовые функции их ослабевают, зоны влияния уменьшаются. Площадь Пскова, между тем, достигает в 1465 г. огромной величины — 212 га (ср.: площадь Новгорода в пределах не стен, а даже валов — 260 га). Все это свидетельствует об оттоке из пригородов не только сельскохозяйственного, но и торгово-ремесленного населения и начале деурбанизации старейших городов Земли. Вступая в XV в., пригороды Пскова по своему социальному облику приближаются скорее к селам, чем к городам, о чем свидетельствует и численность их населения на середину XVI в. (Н. Д. Чечулин, 1889).

Таким образом, вопреки мнению С. И. Колотиловой (1973), бытующие в нашей исторической литературе определения «пригорода» нуждаются в уточнении, т. к. во всех них фигурирует термин «город», а далеко не все «новые пригороды» Пскова являлись городами.

Главными факторами образования пригородов были колониционный и военный (И. Я. Фроянов, 1980), а их функциями — оборонная, административная и некоторые другие небазовые функции.

Вообще же подобная ситуация, когда главный город резко выделяется своими размерами по сравнению с окружающими, на наш взгляд, являет собой путь развития, характерный для маленьких государств со слабыми внешнеэкономическими связями и сложной внутренней структурой.

А. С. Герд

Из лингвистических данных к истории Пскова и Псковской земли

В истории древнего псковского диалекта, по данным морфологии, словообразования и лексики, выделяются два последовательных хронологических периода: 1) период, когда диалект предков псковичей был тесно связан с праславянскими диалектами предков западных славян, в особенности словаков, чехов, а также с диалектами предков сербов, хорватов, словенцев; 2) период хронологически более поздний, уже после отделения диалектов южнославянских, когда диалект предков современных псковичей был теснее всего связан с единой северославянской диалектной зоной праславянского языка позднего периода. В эту зону входили диалекты предков большинства современных восточных славян, поляков, кашубов, ниже-лужичан, словаков, чехов. Напротив, диалекты предков псковичей не контактировали с болгарской языковой группой в период ее обособления. Постепенно, именно на базе северославянской диалектной зоны в верховьях Днепра, Западной Двины, Великой, Ловати оформилось древнее севернорусское наречие, которое впоследствии, в канун раннего средневековья, легло в основу смоленских, полоцких, северо-восточно-белорусских, псковских и новгородских диалектов. Наиболее актуальным с точки зрения этногенеза и этнической истории псковичей, а также в аспекте истории Псковской земли является объяснение того, как возникли следующие основные крупные диалектные границы: 1) Себеж — Невель — Усмынь; 2) Опочка — Великие Луки — Ржев; 3) Псков — Порхов; 4) Опочка — Бежаницы — Дедовичи — Порхов — Гдов. Последняя граница почти полностью очерчивает границы Псковской земли 1348—1510 годов, линию псковских укрепленных пригородов. Граница 3 возникла, по-видимому, к концу XIII — началу XIV в., как итог перемещения населения с юга от татарско-монгольского ига. Граница 2 может отражать глубокие этногенетические процессы, восходящие к эпохе балтийского субстрата (днепро-двинской культуры по В. В. Седову), феодальных границ XII—XIII вв., позднее — влияние Польско-Литовского государства XIV—XVII вв. Граница 1 скорее всего отражает именно непосредственное влияние уже Польско-Литовского государства, а также более раннее совпадение в этой зоне в течение ряда веков и других политических границ (см. карту в кн.: Псковский областной словарь, т. 1, Л., 1967, с. 7). Отмеченные границы очерчивают соответствующие диалектные микрозоны, каждая из которых еще ждет своей этноисторической интерпретации.

Народная псковская фразеология как исторический источник

Устойчивые сочетания слов, фразеологические обороты дают ценный материал для истории духовной культуры народа. Особенно богата таким материалом диалектная фразеология, поскольку в устной речи много элементов архаики.

В ряде фразеологических единиц, записанных в Псковской области, отразились языческие верования и связанные с этими верованиями календарные обряды (напр.: Иван Купала — праздник летнего солнцеворота, элементы которого в реликтовом виде сохранились в некоторых районах области). Основная деталь Купальского обряда — возжигание костров, сжигание чучел. Об этом говорят фразеологизмы «веники жечь», «ведьму жечь» (по языческим представлениям Иванов день — праздник ведьм). В обороте «Иванову голову жечь» соединяются языческая и христианская традиции (к празднику Ивана Купала приурочивается церковный праздник рождества Иоанна Предтечи (Крестителя)).

Источником фразеологии могут служить суеверные представления. Так, фразеологизм «напасть на худой след» (начать вести себя недостойно, ступить на дурной путь) связан с заговариванием, нашептыванием следов с целью принести болезнь, несчастье.

Образную основу ряда фразеологических единиц составляет определенное обрядовое действие, а в составе компонентов есть названия конкретных реалий, имевших символическое значение. По мере того, как уходят из жизни старинные обряды, устойчивые сочетания, называющие их, теряют связь с конкретными предметами и действиями, превращаются во фразеологизмы. Этнографами и лингвистами описаны разнообразные символы отказа при сватовстве. В псковских говорах широко распространены обороты «рогатку дать», «головешку дать» (отказать сватам, жениху), хотя само это действие не сохранилось. Развивается и новое значение фразеологизмов: «нарушить верность в любви, изменить».

В устойчивых сочетаниях отражаются трудовые процессы, хозяйственная жизнь народа. Так, выражение «одним муром мазаны», скорее всего, не фонетический вариант известного книжного оборота, а возникло самостоятельно, связано с гончарным промыслом («мур» — глазурь на глиняной посуде).

Актуальной задачей диалектологов остается интенсивный сбор фразеологических фактов и их интерпретация с привлечением исторических и этнографических данных.

О финно-угорском населении Северо-Восточного Причудья

Территория Северо - Восточного Причудья является самой северо-западной окраиной Древнерусского государства, которая находилась непосредственно на пограничье с прибалтийско-финским миром. В силу специфики своего географического положения границы расселения этнических групп здесь были неустойчивы. История данного района второй половины I — начала II тысячелетий н. э. является историей взаимоотношений местного финно-угорского населения с его западными соседями эстами и с пришлыми группами славян. В сферу активного влияния Новгородского государства эти территории попали в середине XI в.

Исследователи обычно полагают, что местным финно-угорским населением во второй половине I тысячелетия н. э. в Северо-Восточном Причудье была воль. В настоящее время существуют две точки зрения на ее происхождение. Согласно одной из них воль является обособившейся группой эстов (П. А. Аристе). Исследователи, придерживающиеся другой точки зрения, считают, что воль сложилась на основе местного финно - угорского населения под влиянием эстонских переселенцев (А. М. Тальгрэн, Х. А. Моора).

В последние годы А. Н. Кирпичников и Е. А. Рябинин попытались обосновать высказанное в свое время С. С. Гадзяцким и П. Н. Третьяковым предположение о возможном существовании в рассматриваемом районе племени «нарора». Они полагают, что в районе Северо-Восточного Причудья некогда существовало «заметное чудское образование, обладавшее собственной культурой и наделенное сохранившимся самоназванием» («нарора» — «нарора» — «нерома»). Действительно, в Повести временных лет при перечислении данников Руси сказано: «Се суть инии языци иже дань дают Руси :чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь». В конце перечня между «корсью» и «либью» названа «норома» (по другим спискам «нерома», «морома», «морева», «морва», а в одном случае «нарора»). Это единственное упоминание в летописи «норомы».

Исследователи давно обратили внимание на это летописное упоминание. Еще А. Л. Шлецер считал, что между «коросью» и «либью» следует читать «летгола», а в некоторых летописных списках вместо нее «поставлены еще более не похожие на настоящие слова «нерома», «марова» и пр.» Н. М. Карамзин, а за ним и А. М. Шегрен только на основании внешнего созвучия сопоставили «нарору» (взяв одно из многих чтений) с летописной рекой Наровой.

Однако, под «наровой» и Н. М. Карамзин, и А. М. Шегрен понимали территориальное название местного водского и ижорского населения. Первое специальное рассмотрение проблемы «наромы» предпринял Н. П. Барсов, который проанализировав летописные источники, отнес это племя к числу балтских. В дальнейшем аргументация Н. П. Барсова была признана убедительной и принята всеми исследователями, занимавшимися данной проблемой (М. Хеллман, Э. С. Мугуревич, В. Т. Пашуто, А. В. Куза). Выводы базируются на следующих основных положениях: 1) летописец упоминает племена в определенной последовательности по принципу их расселения и непосредственными соседями «неромы» являются курши и ливы; 2) в некоторых летописных списках на месте «неромы» стоит «летгола»; 3) в летописных списках в одном и том же контексте племя называется как «нерома», «норома», «морома», «морова», «морева» и лишь один раз «нарова»; 4) племя «нерома» не известно по северо-русским летописям, авторы которых хорошо были знакомы с названиями прибалтийско-финских племен. А. И. Попов обратил внимание на то, что этимологически «норома» представляет собой прибалтийско-финскую передачу имени «жмудь» (оба названия значат «низкий», «низменный»), а в одной из русских летописей прямо сказано: «Нерома (норома) сиречь же-моить». Исследователь отметил, что топонимика жмуди обнаруживает очень древний финноугорский пласт.

Не решая вопроса какое именно племя скрывается в Повести временных лет под именем «неромы» — латгалы, жмудь или какое-либо другое племя, являющееся соседом куршей и ливов, с определенностью можно утверждать, что нет никаких оснований помещать его в бассейне реки Нарвы. Упоминаемые в псковских летописях в связи с событиями XV в. неровляне (норовляне), как жители по р. Нарве и Нарвской волости, никакого отношения к древнему финно-угорскому племени, существование которого предполагают здесь некоторые исследователи, не имеют. Курганные древности XI—XII вв. Северо-Восточного Причудья, в своей основе, оставлены древнерусским населением этого региона. Характер представленных в них субстратных финно-угорских элементов не дает никаких оснований для выделения здесь особого финно-угорского племени.

С. П. Михайлов

Печорский монастырь по Переписной книге 1682 г.

Печорский монастырь, основанный в XV в., привлекал к себе многих исследователей (Е. Болховитинов, И. Васильев, И. Гра-

барь). А. Зуров одним из первых изучил и систематизировал материал о монастыре и предпринял первые попытки реставрации (Никольский храм). В 60-х годах публикацией натуральных исследований был подведен итог работы группы, возглавляемой Г. Рабиновичем. В это же время велось изучение и реставрация памятников монастыря сотрудниками Псковской СНРПМ (В. П. Смирнов, М. И. Семенов, Ю. В. Суслеников, В. А. Лебедева, Б. С. Скобельцын). Результатом изучения явилась реставрация Печорской крепости.

Первый опыт обобщения письменных источников и иконографии был предпринят в публикации Ю. Малкова (1982 г.). Среди источников упоминается и переписная книга 1682 г. Подробное описание строений монастыря дает материал для реконструкции состояния построек на XVII в. Из трех книг 1632, 1652 и 1682 гг. последняя дает наиболее полное описание.

Необычна была церковь Успения — главный храм. Пещерный по своей сути, он через толщу земли был завершен верхами 2-х глав: «над церковью на горе два верха церковные главы и кресты обиты медью золоченою а плеча по тесу обиты белым железом. Да на той же горе над церковью около церковных верхов сад яблоневый и вишневый и лес дикой всякой» (л. 14 и об.). Необычность ситуации подчеркнута сравнением невысокого наверхия с садовыми посадками. Иконография этого объекта довольно многочислена и наглядно показывает уникальный храм. Подпорная стенка церкви и единственный ее фасад, описаны следующим образом: «перед церковью написаны настенным писмом святые да афаньска гора да апокалеписе и к стенному писму сделаны перила, а крыто над тем стенным писмом кровля вверх бочками и побиты бочки дубове чешуею» (л. 14 и об.). Описываемая главная колокольня отличается от теперешней: «каменная колоколна приделные церкви преподобных отец Антония и Феодосия Печорских, а в ней четыре гнезда, где колоколам стоять» (л. 14 об.). Судя по описанию и по ранней иконографии, нельзя датировать семипролетную звонницу XVI в. «Подле пещер колоколна каменна, а крыта тесом с клубучки шатры над верхом крыты тесом побиты белым железом». Упоминаются два больших колокола, два средних, десять зазвонных малых и часы боевые. Следовательно, пролеты звонницы занимали только большими и средними колоколами. Здесь же упоминается и новая колокольня: «перед церковью же у преподобных отец Антония и Феодосия Печорских на новой колокольни» (л. 218 об.). Из хозяйственных построек упоминается мельница с водным жерновом, конюшенный двор.

Зафиксирована в описаниях и двухъярусная «церковь святых страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба и святых мученик Гу-

рия Самона и Авива диакона вверху на трапезе Благовещения» (л. 113). Сама дата строительства ц. Благовещения в литературе ошибочно приводится как 1541 г. (Г. Рабинович). В 1869 г. был найден антимики, содержащий правильную дату — 1540 г. Кроме большой колокольни была и еще «церковь под колоколами» (?): «церковь Павла исповедника патриарха Царяграда да преподобного Варлаама Футынского в колоколне. Глава обита железом белым на главе крест железной» (л. 114 об.). Никольский храм упоминается с папертью: «над святыми вороты церковь каменная Николы чудотворца с папертью» (л. 116 об.).

Книги сообщают о месте и сюжетах наружных фресок как у башен, так и у храмов. Наружная отделка зданий стенописью была широко распространена в XVII в.: «на острожных воротах написано настенным писмом образ умиления Пречистые Богородицы на красках, а по сторонам Благоверные князи Всеволод и Домант»; «на Святых воротах храм Николы Чудотворца, а с приезде же из Пскова на воротах написано настенным писмом София Премудрость Божия» (л. 3 об.); «да в город (крепость) идучи на ворота написан образ Одигитрии Пречистые Богородицы а по сторонам Антоний и Феодосий»; «а в город вшед на тех же воротах и на церкви Николы Чудотворца написано настенным писмом отечество, а по сторонам Никола Чудотворец да апостолы Петр и Павел» (л. 4); «да над нижними вороты на башни написан нерукотворный образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на золоте» (л. 10).

П. А. Шорин

Монетные клады Псковской земли (клады русских монет XV—XVII вв.)

Монетные клады — важнейший источник по истории товарно-денежных отношений эпохи феодализма. Состав кладов, интенсивность их сокрытия и топография находок обусловлены степенью развития и характером этих отношений. Размеры кладовых комплексов отражают социальный статус их владельцев.

Усиление интенсивности сокрытия кладов, как правило, наблюдается в моменты различных социально-экономических потрясений общества — войны, восстания, стихийные бедствия. Анализ кладов русских монет, найденных на территории современной Псковской области, показывает, что для них характерны все основные закономерности, присущие русским средневековым кладовым комплексам.

В настоящее время известны около 60 кладов с русскими мо-

нетами XV — начала XVIII вв. В музеях хранится только 27 кладов — в Псковском объединенном музее-заповеднике — 18, в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа — 6, в Великолукском музее — 2, в отделе нумизматики ГИМ — 1.

Псковские клады, как и другие клады русских монет XVI—XVII вв., не содержат иноземных монет, отражая «чистоту» русского денежного обращения в этом пограничном районе Русского государства. Хронологическое распределение псковских кладов следующее: XV—нач. XVI в.—7; XVI—нач. XVII в.—28; XVII в.—12; кон. XVII — нач. XVIII — 12. В нем отразились, с одной стороны, бурные события «смутного времени», а с другой — смещение кладов из крупных городов в сельскую местность, на пути растущей внутренней торговли.

Судя по составу и датировке кладов, основная причина их сокрытия была внеэкономической — население прятало в землю свои сбережения с минуты грозящей опасности. Это связано прежде всего с пограничным положением Пскова, постоянно находившегося под угрозой нападения.

Спецификой псковских кладов можно считать преобладание в них монет, отчеканенных на Псковском денежном дворе.

При археологических раскопках в Пскове в 1983 г. были найдены три клада монет: на Толокнянском раскопе в Запсковье близ стены Окольного города два клада серебряных монет и на раскопе на ул. Ленина клад медных монет. Один клад серебряных монет содержит 263 копейки XVI — XVII вв.: Бориса Федоровича Годунова — 1 экз., Василия Ивановича Шуйского — 1 экз., Владислава Жигимонтовича — 1 экз., Михаила Федоровича — 257 экз., плохой сохранности — 3 экз. Клад датируется рубежом 30—40-х годов XVII в. Второй клад серебряных монет содержит 984 монеты: Василия III — 1 экз., Ивана IV — 92 экз., Федора Ивановича — 232 экз., Бориса Федоровича Годунова — 285 экз., Дмитрия Ивановича — 60 экз., Василия Ивановича Шуйского — 315 экз. Младшая монета клада — новгородская копейка Василия Ивановича Шуйского с датой — 1607 г. Клад помещался в кубышке, характерной для псковской кладовой керамики XVI—XVII вв. Судя по составу, он был закрыт вскоре после 2 сентября 1608 г., в первые месяцы самостоятельности Пскова, отложившегося от Москвы и присягнувшего Тушинскому вору. Третий клад, найденный на раскопе VI по ул. Ленина (пл. 7) состоял исключительно из медных копеек Алексея Михайловича — 662 экз., большинство которых отчеканено в Пскове.

СЕВЕРО-ЗАПАД И ЦЕНТР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Д. А. Крайнов

Проблемы неолита и энеолита центра Русской равнины

Вопрос о самом понятии неолит, его начале и конце до настоящего времени остается предметом дискуссии. Особой остроты дискуссия о сущности неолитической эпохи достигла после появления концепции Г. Чайлда о так называемой «неолитической революции».

При определении сущности неолита следует учитывать неравномерность исторического развития. На юге в эпоху неолита уже существовало производящее хозяйство. В центре Русской равнины и севернее в это же время продолжалось развитие интенсивного охотничье-рыболовческого хозяйства. Разница в хозяйстве создавала особую окраску неолита юга и севера, но и в том и в другом регионе имеются общие черты, характеризующие неолит (особенно в развитии каменной индустрии, транспортных средств и др.).

Неолит — новокаменный век — понятие археологическое. Это принципиально новая эпоха в жизни человека. Она характеризуется двумя основными хозяйственными направлениями: на юге — развитием земледелия и скотоводства, а в северной половине — интенсификацией охотничье-рыболовческого хозяйства с доминантой рыболовства.

Неолитическая эпоха (три — четыре тысячелетия — с конца VI до первой четверти III тыс. до н. э.) совпадает со второй половиной атлантического и частью суббореального периодов голоцена. Это время отмечено значительными природными изменениями и важными вехами в истории развития культуры. Начало неолита следует связывать: 1) с появлением прочной оседлости (на юге — на базе производящего, а на севере — на базе интенсификации присваивающего хозяйства); 2) с появлением керамического производства и новой каменной индустрии (стандартизация орудий по производственному признаку, пиление, сверление, полирование орудий и пр.).

Появление неолитических племен в лесной зоне Европейской части СССР относится ко второй половине атлантического периода, к экстремальной фазе климатического оптимума голоцена (конец VI тыс. до н. э.), а заканчивается неолит в этой зоне в первой половине III тыс. до н. э.

Изучение стратиграфии многослойных поселений Верхнего Поволжья (Золоторучье I, II, III; Алтыново; Пеньково; Федюково I; Ивановское II, III, V, VII; Сахтыш

I, II, VIII; Ронское I; Торговище I; Языково I, III и др.), а также однослойных памятников с чистыми комплексами, позволили по-новому установить хронологическую последовательность, ареалы, взаимосвязь и характер первобытных культур Волго-Окского междуречья, начиная с финального палеолита и кончая поздним историческим временем. В свете этих исследований устанавливается следующая последовательность в смене культур центра Русской равнины:

1. Особая верхневолжская культурная группа памятников финального палеолита, представленная поселениями типа Золоторучье I, Алтыново, Федюково I и др. — конец плейстоцена: XI—IX тыс. до н. э.

2. Мезолитические культуры ранней и поздней стадии (бутовская, иеневская и др.) — VIII—VI тыс. до н. э.

3. Верхневолжская раннеолитическая культура, открытая в 1972 г., с тычковой и гребенчато-накольчатой керамикой — конец VI — начало IV тыс. до н. э.

4. Льяловская среднеолитическая культура, а в юго-восточной и восточной частях Волго-Окского междуречья — рязанская и балахнинская культуры с ямочно-гребенчатой керамикой — IV — начало III тыс. до н. э.

5. Протоволосовская позднеолитическая культура с редко-ямочной и гребенчатой орнаментной керамикой — начало III — середина III тыс. до н. э.

6. Волосовская энеолитическая культура с гребенчато-ямчатой орнаментацией керамики — с половины III и кончая первой четвертью II тыс. до н. э.

7. Фатьяновская культурно-историческая общность раннебронзового века с локальными вариантами — рубеж III—II тыс. до н. э. и до половины II тыс. до н. э.

8. Культуры эпохи поздней бронзы (абашевская, поздняя чирковско-сейминская и культуры с текстильной керамикой) — середина II и начало I тыс. до н. э.

9. Ранняя дьяковская культура с сетчатой и штрихованной керамикой, относящаяся к железному веку — вторая половина I тыс. до н. э. и начало I тыс. н. э.

10. Поздние культуры, связанные с историческими финнами, балтами и славянами.

Эта закономерность в смене культур центра Русской равнины подтверждается стратиграфией многослойных поселений, расположенных в разных частях данной территории. Подобная же закономерность в смене культур наблюдается в Восточной Прибалтике, на Верхнем Днепре и части Среднего Поволжья. Она не может быть случайным совпадением и, вероятно, свидетельствует об оди-

наковой и одновременной смене близких этнических групп населения (северных европеоидов, протобалтов, протофиннов, поздних балтов, финнов и славян).

Открытая в 1972 г. верхневолжская раннеолитическая культура заставила пересмотреть периодизацию неолитических и энеолитических культур данного региона, их хронологию, характер, взаимосвязи, происхождение, вопросы этногенеза и др. Верхневолжская культура имела широкое распространение в центре Русской равнины (Верхнее Поволжье, Волго-Окское междуречье). В настоящее время известно около 200 памятников этой культуры. Выяснены ареал культуры, ее хронология, характер, происхождение, связь с другими культурами и др.

Верхневолжская культура, вероятно, возникла в конце VI тыс. до н. э. и развивалась во второй половине атлантического периода в условиях теплого и влажного климата в зоне широколиственных лесов. Конец ее развития относится к IV тыс. до н. э. Верхневолжскую культуру характеризует особая керамика с тычковым, гребенчатым и нарезным орнаментом, кремневые орудия пластинчатой индустрии, продолжающие мезолитические традиции, а также разнообразные костяные орудия и деревянные изделия. Топография поселений (на берегах озер, рек и речек), набор орудий и кухонные остатки в виде костей животных, птиц и рыб свидетельствуют об охотничье-рыболовческом хозяйстве населения раннеолитических стоянок. Своим происхождением верхневолжская культура связана, очевидно, с позднемезолитической бутовской культурой. Компактная локализация в единой экологической среде раннеолитических культур (верхневолжской, нарвско-неманской, днепро-донецкой, волго-камской и сперрингс), их одновременность (конец VI — начало IV тыс. до н. э.), близость культурных признаков, общая постсвидерская мезолитическая подоснова и, возможно, близкий антропологический тип населения (северные европеоиды) свидетельствуют о родственности племен этих культур, относящихся, вероятно, к одной большой историко-культурной области, из среды которой позднее могли выделиться протобалты.

В многослойных стоянках над слоями с керамикой верхневолжской культуры и других раннеолитических культур располагаются слои с ямочно-гребенчатой (или гребенчато-ямочной) керамикой. Такое стратиграфическое положение заставляет предполагать, что племена культур с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой Волго-Окского междуречья, Верхнего Поволжья, Восточной Прибалтики, Карелии, Верхнего Поднепровья, частей Подонья и Среднего Поволжья сменили население раннеолитических культур. Эти культуры с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, образующие большую историко-куль-

турную область, распространились на огромной территории лесной полосы Европейской части СССР. Радиоуглеродные, стратиграфические, палинологические и другие данные устанавливают хронологию культур в рамках IV и начала III тыс. до н. э. Их материальная культура довольно резко отличается от культуры предыдущей эпохи. Она характеризуется особой глиняной остродонной и круглодонной посудой с ямочно-гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом, кремневым инвентарем отщепной индустрии и орудия с двухсторонней обработкой. Развивается сверление, пиление и полирование крупных орудий. Наряду с кремневыми получают дальнейшее развитие каменные орудия, имеются также костяные и деревянные орудия и поделки. Появляются большие прямоугольные полуподземные жилища. Получает дальнейшее развитие охотничье-рыболовческое хозяйство.

Происхождение культур и их связь с древностями предшествующего времени пока еще недостаточно выяснены. Данные археологии заставляют отрицать их генетическую связь с раннеолитическим населением. Вероятно, племена культур с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой относятся к другому этническому массиву, давшему впоследствии начало протофиннам.

В результате смешения двух культур — верхневолжской и ямочно-гребенчатой — появляется новая позднеолитическая культура, названная протоволосовской. Она развивается в первой четверти III тыс. до н. э. в центре Русской равнины. Керамика этой культуры носит двойственный характер по форме сосудов, примесям в тесте и орнаментике (редко-ямочная и гребенчатая). Начало этого этапа связано с некоторыми климатическими и физико-географическими изменениями (похолодание, заболачивание озер и понижение уровня воды в гидрологической сети).

Со второй четверти III тыс. до н. э. и до второй четверти II тыс. до н. э. в центре Русской равнины возникает и развивается волосовская культура (вернее, волосовская историко-культурная область), относящаяся к новой эпохе — энеолиту. Она характеризуется керамикой: вначале круглодонной, а позднее плоскодонной, с гребенчато-ямчатым орнаментом и с примесями в тесте толченой раковины, органики, шамота или смешанных компонентов. Техника обработки каменных и костяных орудий достигает совершенства. Стандартизация орудий заставляет предполагать появление особых мастеров. Площадь поселений увеличивается. Появляются поселки из четырехугольной формы домов, соединенных узкими переходами. Развивается искусство; появляются кремневые, костяные и каменные скульптуры человека, животных, птиц, всевозможные украшения из кости, камня, янтаря и др. На поселениях встречаются погребения, как одиночные, так и коллективные —

вытянутые и скорченные, посыпанные красной краской. Волосовские племена развиваются в Европейской части СССР из смешения двух культур: верхневолжской и ямочно-гребенчатой, а в Прибалтике — от смешения нарвской и гребенчато-ямочной культур возникает близкая волосовская культура типа пиестиня. Мы отрицаем экспансию волосовцев из Волго-Камья, а также отрицаем их этнос как финский. Скорее всего они представляют собой смешанное население (северных европеоидов и лапоноидов).

На рубеже III и II тыс. до н. э. на территории волосовской культуры появляются пришлые племена скотоводов-земледельцев фатьяновской культуры, просуществовавшие здесь до середины II тыс. до н. э. Фатьяновское население мешалось с волосовским. На поселениях появляется гибридная керамика.

В середине II тыс. до н. э. в центре Русской равнины возникают культуры позднего бронзового века.

В результате дальнейшего сложного процесса смешения и взаимодействия потомков носителей культур с ямочно-гребенчатой керамикой, поздневолосовской, фатьяновской и культур эпохи поздней бронзы появляются городищенские культуры, различные в этническом отношении: на востоке и северо-западе с преобладанием финского этноса, а ближе к западу — с преобладанием балтского этноса.

Дальнейшая история центра Русской равнины представляет средневековую историю славян, финнов и балтов.

Н. В. Лопатин

Керамика культуры типа Тушемли-Банцеровщины

Культура типа Тушемли-Банцеровщины относится к третьей четверти I тысячелетия н. э. и занимает современные территории Витебской, севера Минской, запада Смоленской областей и некоторых соседних районов. Для этой культуры характерна лепная грубая слабопрофилированная керамика. Она имеет черты сходства с керамикой Псковской и Новгородской земель (различные точки зрения по этому вопросу приведены в работах В. В. Седова, М. Э. Аун, А. Г. Митрофанова, С. В. Белецкого и Г. Н. Пронина, Р. С. Минасяна и др.), а также юго-восточной Белоруссии и Подесенья (колочинская культура).

Нами предпринята попытка сравнить керамику тушемлинско-банцеровской и колочинской культур с целью выявления специфических черт каждой из них. Некоторые такие черты отмечены в литературе (П. Н. Третьяков, И. П. Русанова, В. Б. Перхавко, Е. А. Горюнов, В. В. Седов). Многие исследователи считают, что име-

ющихся в керамике различий недостаточно для выделения самостоятельных археологических культур. П. Н. Третьяков и Е. А. Горюнов высказали мнение, что подмеченные специфические черты керамики существенны для разделения культур Верхнего Поднепровья, однако развернуто аргументировано данное положение не было.

Основой для сравнения служат целые сосуды, изученные в музейных собраниях и происходящие со следующих памятников: Тушемля, Демидовка, Близнаки, Акатово, Узмень, Дорохи, Атоки, Повалишино, Лукомль, Дедиловичи, Городище, Ревячка, Банцеровщина. Несмотря на то, что с территории Верхнего Поднепровья и соседних регионов происходит довольно большое количество целых форм (не менее 150), этой выборки при значительной разбросанности и неравномерной представленности памятников оказывается недостаточно для суждения о характерности той или иной формы для отдельных регионов. Поэтому для сравнения привлечены и фрагменты керамики (Тушемля, Демидовка, Акатово, Узмень, Дедиловичи, Городище).

Выделено 8 видов горшкообразных сосудов: 1) плавно расширяющиеся кверху стенки, слегка суженная горловина и отогнутый венчик. Диаметр венчика немного больше (а) или меньше (б) максимального диаметра тулова. Эталон — первая группа керамики городища Тушемля; 2) плавно расширяющиеся слегка выпуклые стенки, прямой венчик (вторая группа керамики городища Тушемля); 3) отличается от вида 1 тем, что шейка сужена меньше, причем сужение это находится ближе к краю венчика и выше (урна из длинного кургана в ур. Атоки у дер. Янковичи); 4) плавно расширяющиеся кверху стенки, слегка отогнутый или прямой венчик (сосуд из нижнего слоя Лукомля); 5) довольно резко расширяющиеся до максимального диаметра стенки, верхняя часть цилиндрическая или слегка суженная, венчик слегка отогнут (вид IV по Е. А. Горюнову); 6) плавно расширяющиеся кверху стенки, высокая суженная шейка, диаметры дна и горла близки (вид V по Е. А. Горюнову); 7) выпуклобокие сосуды, суженные к горлу (вид II по Е. А. Горюнову); 8) ребристые сосуды: цилиндрикоконическое (а) и биконические (б).

Виды 1—4 близки между собой, у них обычно широкое дно (отношение высоты к диаметру дна менее 2), плавный, нерасчлененный профиль, максимальный диаметр тулова находится в верхней половине, а часто в верхней трети. Виды 5—8 представлены более профилированными сосудами с узким дном (отношение высоты к диаметру дна более 2). Наибольшее расширение тулова в целом ниже, часто — в нижней половине высоты. Сосуды вида 5, очевидно, «связаны» с ребристыми цилиндрическими, отличаясь от

последних отсутствием подчеркнутого ребра.

На основании приведенных наблюдений можно разделить всю рассмотренную керамику на две группы. Первая группа (виды 1—4) объединяет керамику, характерную для тушемлинско-банцеровской, вторая (виды 5—8) — для колочинской культур.

Картографирование обнаруживает внутри территории распространение керамики первой группы следующую закономерность: на Днепре известна только керамика видов 1 и 2; в удалении от Днепра распространены также сосуды вида 3; далее на северо-запад чаще встречаются горшки вида 4. Из круга памятников с керамикой первой группы выбивается городище Демидовка: для него наиболее характерны сосуды видов 6—8(б), на других памятниках культуры типа Тушемли-Банцеровщины представлены единично.

Специфичны для разных районов рассматриваемой территории и другие категории керамики — сквороды и диски, распространенные в колочинской культуре, а также миска, которых, однако, заметно меньше, чем горшков.

Керамический набор памятников средней и северной Белоруссии, а также юга Псковщины довольно четко обособляется от керамики колочинской культуры. Смоленщина является регионом тушемлинско-банцеровской культуры, где известны тяготеющие к более южным территориям памятники (Демидовка, Лахтево и др.).

И. В. Исланова

Погребальные памятники и поселения верхней Мологи и Верхней Мсты в конце I — начале II тысячелетиях н. э.

История археологических исследований верховьев Мологи и Мсты насчитывается свыше 160 лет. С 20-х годов XIX в. и вплоть до конца 60-х гг. XX в. главными объектами изучения были несколько групп курганов и сопок. Обследование поселений и их стационарные раскопки начаты только в конце 60-х годов XX в. Основным справочником по археологии бывш. Тверской губернии до настоящего времени остается свод А. К. Жизневского и В. А. Плетнева, опубликованный в начале XX в.

В 1979—1983 гг. отрядом Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР начата работа по обследованию известных в регионе по литературе и архивным данным памятников конца I — начала II тысячелетия н. э. В результате разведочных работ существенно уточнена и дополнена археологическая карта района верхней Мологи и Мсты, собран материал по топографии, количеству, разме-

рам, а в ряде случаев и хронологии отдельных памятников.

Погребальные памятники культуры длинных курганов известны в западной части обследованного района. С сопками они, в основном, расположены череполосно. Сопки, отмеченные на всей территории, концентрируются по четырем микрорайонам. Каждый микрорайон имеет свои особенности. Среди сопок выделяется также несколько групп, различающихся по расположению относительно друг друга и топографии.

Древнерусских курганов и курганных могильников значительно меньше, чем памятников предшествующего времени. Как правило, курганы образуют с высокими сопковидными насыпями как бы единую группу. При исследовании кургана у с. Мотыли (Покровское) зафиксирован сложный погребальный обряд.

Для поселений прослеживаются различия в топографии, хронологии и размерах. В зависимости от топографии и размеров выделяется несколько устойчивых сочетаний между поселениями и могильниками.

Г. С. Лебедев

Ладога и ее округа (этапы формирования по археологическим данным)

В 1983—1984 гг. осуществлена паспортизация археологических памятников в с. Старая Ладога и его ближайших окрестностей. Данные о 55 местонахождениях (25 поселений, 26 погребальных памятников, 4 храма) позволяют выделить этапы освоения округа и основные элементы раннегородской структуры древнерусской Ладоги.

Ладожская округа занимает пространство 5х3 км по берегам р. Волхов от д. Подол на севере до д. Извоз на юге. Первичное освоение прибрежной территории произошло в эпоху неолита — раннего металла (III—II тыс. до н. э.). На втором этапе — в VIII—X вв. происходит расширение освоенной зоны, которая затем остается стабильной до XII—XIII вв., когда формируется основа городского ансамбля Ладоги (крепость, посад, кончанские храмы). Третий этап освоения округа (XIV—XV вв.) связан с формированием церковно-монастырского землевладения. На четвертом этапе (XVI—XVIII вв.) граница освоенной зоны вновь расширяется в связи с развитием поместного земледелия. Следующее расширение хозяйственно используемой зоны относится уже к советскому времени. На протяжении тысячелетий развитие округа проходит плавно и равномерно. С VIII по XVII вв. оно определяется существованием крупного городского центра — Ладоги.

Археологические данные, дополненные топонимией, позволяют реконструировать основные элементы архаической раннегородской структуры Ладоги VIII—X вв. Выделяются три взаимосвязанные зоны градообразования. Первая, условно — «княжеская», объединяет памятники южной части возвышенности Победище (Княщино): княщинская группа сопок, грунтовый могильник, селище, клад 808 г., а также сопки и селище Лопино на правом берегу Волхова. С юга «Княщину» ограничивает Парамонов ручей (ср. новгородский «двор поромонь» 1015 г.), на запад расположена «волость Силосари», как и Лопино, видимо связанная с неславянским зависимым населением «ладожской волости» (предположительно, протокарельским и саамским).

Вторая — «городская зона», включает площадь поселения по левому берегу Волхова и обоим берегам р. Ладожки, ограниченную двумя могильниками (по более поздним монастырям, Никольским на юге и Успенским на севере). В первом представлены длинные курганы, круглые курганы с сожжениями, курганы приладожского круга, сопки, грунтовые труположения XI—XII вв. Во втором — открыты сожжения и труположения в грунтовых могилах, известны курганы и сопка. Третье городское кладбище находилось на правом берегу Волхова, в урочище Плакун и состояло из сопок и курганов с погребениями по скандинавскому обряду. С могильниками предположительно связывается святилище на горе «Висельник», господствующее над городским пространством.

Третья зона, условно — «сакральная». Главный ее объект маркирован топонимом «Велеша» (притяжательная форма от мужского имени собственного «Велес»). Святилище Велеса в низовьях Волхова соответствовало Перыни у истоков реки близ Новгорода. Оно также имело общеплеменное (если не надплеменное) значение. Сопки, курганы, поселения третьей зоны связаны с «сакральными путями», соединявшими культовые места с раннегородским поселением. Наряду с Велесом, предположительно реконструируются места поклонения Яриле-Купале (Малышева гора с монастырем Рождества Иоанна Предтечи в XIII в.) и, возможно, «Криве», а также иерархия трудноидентифицируемых божеств отдельных частей города: кварталов, улиц и т. п.

Деление Ладоги на две части — северную, ориентированную на сакральный центр, и южную — на княжеско-административный, отражает дихотомию племенной власти, княжеской и жреческой, характерную для племенной структуры словен новгородских. Преодоление этой дихотомии выразилось в строительстве (по летописи, при Рюрике, вероятнее всего ок. 864 г.) крепости, а особенно ярко проявилось в деятельности Вещего Олега, выполнявшего функции князя-жреца.

Городище Варбола

Городище Варбола — одно из крупнейших древнеэстонских укреплений. Оно расположено в современном Рапласком районе, в 50 км. к югу от Таллина. Основанием городища является северо-западный мысообразный конец длинного известнякового плато относительной высотой 5—6 м. Площадка городища, занимавшая около 2 га, окружена по всему периметру валом, выложенным из камней. Общая длина вала 580 м, высота 2—6 м, с юго-восточной стороны до 8 м. У городища два воротных проезда через вал: один на восточной, другой на западной стороне. Приблизительно в середине площадки колодец, Городище упомянуто в Хронике Ливонии Генриха и в древнерусских летописях (город Воробиин, Воробьев нос).

Первые раскопки городища проводились в 1938—1941 гг. (Э. Лайд). В результате этих работ было установлено, что центральная и западная части площадки в XV—XVII вв. были заняты кладбищем. Культурный слой в этих частях оказался в значительной мере перемешанным. Был вскрыт колодец, вырубленный до глубины 13 м в известняковый грунт. Целью раскопок 1953 г. (К. Марк) был сбор антропологического материала из кладбища. С 1974 г. раскопки продолжились в восточной части городища (Э. Тыниссон, Ю. Селиранд, Ю. Тамла). Были заложены два раскопа. В 1980—1981 гг. была исследована и реставрирована часть внутренней стены вала.

Культурный слой городища, мощностью 0,2—0,4 м, отличался многочисленностью камней. От дерева сохранились лишь незначительные обуглившиеся остатки. Места построек выделяются несколько более темным цветом почвы, сложенными из камней основаниями стен, а также остатками настила полов из известняковых плит. Основными для выявления построек являются развалы печей, верхние части которых прослеживаются на поверхности в виде небольших каменных возвышений круглой или овальной формы (диаметр от 2 до 7—8 м, высота 0,2—0,8 м). Распространение этих возвышений, общее число которых около 90, свидетельствует об относительно неплотном и сводном характере застройки территории площадки. Можно полагать, что на городище существовало одновременно 80—100 жилых построек, располагавшихся небольшими группами.

Основным типом построек являлся жилой дом размерами 5—5,5х6—6,5 м, площадью 30—36 м². Печь-каменка находилась по всей вероятности в заднем от входа углу с устьем в сторону входа.

Перед входом находилась, возможно, небольшая передняя. Печь была четырехугольной формы (внешние размеры 1—1,2x0,4—0,6 м, высота топки около 0,5 м, объем 0,2—0,3 м³). Под состоял из одной-двух крупных известняковых плит, боковые стены были сложены как из известняковых, так и валунных камней. Устойчивым признаком варболаских печей является поставленный на ребро камень в задней стене. Между выступающими концами боковых стен находился очаг для приготовления пищи. Прослежены неоднократные перестройки печей.

В 1984 г. была раскопана внутренняя часть западного воротного проезда, шириной 2,2—2,3 м. По обеим сторонам проезда была обнаружена стена, сложенная насухо из известняковых плит. Она сохранилась на высоту до 1 м. В стенах хорошо прослеживались места деревянных столбов, служивших опорами как для самих стен, так и, очевидно, верхнего перекрытия проезда.

Сведения письменных источников свидетельствуют об использовании городища в первые столетия XIII в., в период борьбы с немецко-датской агрессией в Эстонии. Можно полагать, что именно к этому периоду относится и окончательное сооружение оборонительной системы города, а также многие из открытых построек. Эта датировка подтверждается найденным вещевым материалом, основная часть которого относится к XII—XIII вв. На непосредственную связь с описанными в письменных источниках событиями начала XIII в. указывают найденные наконечники арбалетных стрел. Для керамики Варбола как и других западноэстонских городищ первых веков II тыс. н. э. характерно сосуществование лепной и гончарной посуды (вплоть до начала XIII в.). Ранняя гончарная керамика обладает значительным сходством с местной лепной посудой. Большинство найденных орудий труда и домашнего быта, а также предметов украшений имеют аналогии в других памятниках XII—XIII вв. Особо следует отметить многочисленные куски шлака с высоким содержанием железа, у одной части из которых одна сторона покрыта слоем обожженной глины. Возможно, это остатки сыродутного горна. Часть обнаруженного вещевого материала относится к последующим векам средневековья. Городище использовалось как укрепление по всей вероятности еще в середине XIV в., во время крупного восстания в северной Эстонии.

В результате археологических исследований в окрестностях городища Варбола обнаружены остатки древних полей, поселения, жертвенные и культовые камни и место разрушенного могильника. На поселении Кельдримяэ, в 1 км к северу от городища, исследованы две средневековые постройки XV—XVI вв. Вместе с исследованными на городище остатками построек они представляют интерес для изучения генезиса эстонского этнографического жилища.

На поселении Кельдримяэ прослеживается культурный слой и более раннего времени, X—XII вв.

А. Б. Лухтан

Кернаве в свете письменных и археологических источников

Изучению древнейших феодальных центров Литвы в последние годы уделяется большое внимание. Значительный интерес представляет сопоставление данных письменных источников об одном из крупнейших феодальных центров — Кернаве (Ширвинтский р-н, Восточная Литва), с материалами археологических раскопок.

Археологические исследования в Кернаве проводятся с 1979 г. экспедицией Вильнюсского Гос. университета и Института истории АН Литовской ССР. В течение пяти полевых сезонов полностью исследовано центральное городище «Миндауго Состас» (Трон Миндовга), заложены раскопы на Замковой горе, селищах у городища Лиздейки и на берегу р. Нерис, велась шурфовка на территории поселка Кернаве, вскрыто 5 насыпей на близлежащем курганном могильнике.

Первые летописные сведения о Кернаве относятся к легендарной недатированной части литовских летописей, в которой рассказывается о возникновении династии Сперы-Кернюса, древнейших князей Восточной Литвы. Не исключено, что в летописях приводится попытка объяснить раннюю историю одного из крупнейших племенных центров и выдвижение представителей племенной знати. Эти события относятся к завершающему этапу формирования древнелитовской народности, первоначальное ядро которой составили земли с центром в Кернаве. Судя по археологическим данным, в середине и особенно во второй половине I тысячелетия н. э. в Кернаве существовал крупный племенной центр (2 или 3 городища-убежища, 2 крупных селища рядом с ними, несколько курганных могильников в окрестностях, языческий культовый центр (?) — священный камень напротив Кернаве у дер. Миткушес, культовые места у озер Прагаринес и Спера). Первый этап в истории Кернаве находит ближайшее соответствие в ранней истории многих древнерусских городов — первоначальных племенных центров. Легенда о Кернюсе тесно перекликается со схожими преданиями об основателе Киева и других легендарных князьях.

В период образования единого государства под властью Миндовга, Кернаве не упоминается. По-видимому, правы историки (Т. Ловмянский, Э. Гудавичюс), локализирующие столицу Миндовга — Вороту — в южных районах Литвы. В первой половине

К истории формирования городских усадеб в Новгороде (по материалам раскопок 1973—1983 гг.).

XIII в. политический центр формирующегося Литовского государства переместился на юг — ближе к литовско-русскому пограничью. Тогда же началось присоединение к Литве ослабленных распрями и монголо-татарским нашествием русских земель. Вместе с тем опасность монголо-татарской агрессии вынудила Литовское правительство перенести столицу в более удаленный и защищенный старый племенной центр — Кернаве.

Во время правления представителя новой династии Трайдяниса (1270—1282) появляются неоспоримые сведения о Кернаве в хрониках крестоносцев. Упоминается поход рыцарей 1278—1279 гг. в окрестности Кернаве («Da wart koniges Thoreiden lant»). Кернаве выступает как столица Трайдяниса, важнейший политический центр. К несколько более позднему времени относятся записи имен кернавских купцов в Рижской долговой книге (Das Rigaische Schuldbuch 1285—1352). По археологическим данным в конце XIII—начале XIV в. Кернаве уже является феодальным городом с оборонным и политическим ядром — три хорошо укрепленных городища, ремесленно-торговый посад и сельскохозяйственная округа (многочисленные сельские поселения в окрестностях). О развитии ремесел и торговли свидетельствуют предметы импорта: шиферные пряслица, стеклянные браслеты, янтарь, так называемый Кернавский «Перун», клад серебряных слитков XIII в. в окрестностях (у д. Русю Рагас).

В XIV в., когда Гедимин переносит столицу в Тракай, а затем в Вильнюс, Кернаве управляет его сын Манвидас. Крепость становится центром удельного княжества и приобретает черты крупного стратегического пункта, защищавшего новую столицу. В этот период Кернаве многократно упоминают агенты крестоносцев в описаниях путей в Литву (Die litfauischen Wegeberichte). В хрониках крестоносцев упоминается и о разрушении Кернавских крепостей в 1365 и 1390 годах, во время опустошительных нашествий на Вильнюс. Следы этих разрушений хорошо прослежены археологически. После 1365 г. все городища в Кернаве были перепланированы, возникли мощные, однако построенные поспешно, укрепления. Валом был обнесен торговый посад — Замковая гора (площадь 2 га) к западу от городища. Раскопками выявлены многочисленные следы кузнечного, ювелирного, косторезного и других ремесел. Строительство укреплений на Замковой горе не было завершено. Таким образом, становится понятно, почему в 1390 г. сами защитники Кернаве при приближении крестоносцев сожгли крепости и отступили. После этих событий окрестности Кернаве на несколько десятилетий обезлюдели, а уже в начале XV в. городища полностью утратили свое оборонное значение.

Людин конец принадлежит к древнейшим районам — первоосновам городской федерации наравне с Неревским концом и Славно (В. Л. Янин). Археологическое изучение территории Людина конца дополняет сведения о первоначальной планировке городской застройки в этой части города.

Характер первоначальной застройки усадьбы «А» на Троицком раскопе свидетельствует о том, что здесь уже в 30-е годы X в. сложилась четкая планировка усадьбы, ограниченной усадебным частотолом и заключенной в прямоугольник уличных настилов Черницыной и Великой улиц Людина конца. Планировка изначально и стабильна вплоть до верхнего яруса (1405—1407 гг.). Появление мостовых — своеобразный индикатор времени сложения городской планировки. Стационарные деревянные уличные настилы для догородских напластований нетипичны и функционально вряд ли оправданы. Следовательно, поселение, открытое на площади Троицкого раскопа и датируемое 30-ми годами X в., по-видимому, уже было городом. Открытая в нижних горизонтах раскопа мостовая Великой или Пробойной улицы Людина конца свидетельствует, что к моменту прокладки улицы детинец уже существовал, поскольку улица связывает участок застройки с фортификациями Кремля. Тем самым доказывается, что возведение детинца относится к периоду до появления Пробойной улицы, т. е. до 30-х годов X в.

Если учесть, что радиальные улицы вторичны по отношению к лучевой схеме дорог, перпендикулярных волховскому берегу, то участок, исследованный в 1973—1983 гг. не может признаваться древнейшим, а лучевая Черницына улица не принадлежит к древнейшим архаичным улицам Людина конца. Впрочем ее название для нижних горизонтов вряд ли соответствует первоначальному. До возникновения Варварина монастыря улица, вероятно, имела другое название. Следовательно, древнейшее ядро Людина конца было в ином месте.

Характер поверхности материка исследованного участка позволяет локализовать территорию древнейшего поселка. Он мог располагаться только северо-восточнее площади раскопа — в направлении к детинцу, ближе к Волховскому берегу. Участок Троицкого раскопа располагался на склоне холма, о чем свидетельствует нивелировка материка. Наклон поверхности к юго-западу постоянно учитывался жителями усадьбы: южные венцы построек

стабильно лежали на фундаментах—подкладках. Наклон диктовал также постоянное наблюдение за южным участком Великой улицы; интенсивная изнашиваемость здесь деревянных плах требовала дополнительных ремонтных работ до новой перестилки мостовой.

Примечательно, что уже при первоначальной планировке магистралей жители пытались сnivelировать естественный наклон. Для этого вдоль трассы была проведена выемка материковой глины, переложенной на место будущей улицы. Переотложенный материк по трассе мостовой имеет иную консистенцию, нежели на остальной площади. Не исключаем, что его вязкость может быть следствием какого-то, возможно, кратковременного использования трассы как грунтовой дороги. Подобный грунтовой характер магистралей типичен для окраинных участков города, либо загородной территории. Возможно, что участок Великой улицы, расположенный севернее, в это время уже имел мощение.

На территории, расположенной между площадью Троицкого раскопа и Кремлем располагались Волосова и Добрынина улицы. Сами топонимы свидетельствуют о большей архаичности этих улиц, нежели Черининой и Пробойной. Улицы были типичными лучевыми магистралями. Здесь, как представляется, располагался один из древнейших протогородских поселков, для жителей которых был возведен детинец. После возведения детинца жители этого поселка вместе с жителями северного (Неревского) поселка стали повгородцами.

К сожалению, фортификации средневекового Новгорода в значительной степени разрушили культурный слой вблизи Кремля, однако некоторые его участки сохранились. Рано или поздно они попадут в поле зрения археологов.

Н. Е. Чалых

Археологическое изучение Муром

Муром — один из древнейших русских городов. В летописи он впервые упомянут под 862 г. вместе с другими центрами Северо-Восточной Руси. Летописные сведения о городе очень скудны. Приокские земли впервые попадают в сферу внимания киевских князей в середине X в. Первое поселение на территории Муром возникает, вероятно, как результат походов Святослава и Владимира (954 и 985 гг.) на Болгар. В 988 г. город получает своего князя — Глеба. Расцвету и подъему экономики города во многом способствовал торговый договор с Болгарами 1005 г. О росте политического и экономического значения города свидетельствует тот факт, что в 1075 г. возникает Муромо-Рязанское княжество с центром в Муроме.

Горожане принимали активное участие в междоусобной войне 1094—1095 гг. В X в. восточная политика русского государства сосредоточена в руках сильных князей суздальского дома и Муром попадает в сферу их политического влияния. В 1239 г. город сожжен татарами и жизнь в нем надолго замирает. Летопись отмечает кратковременный подъем в середине XIV в. С 1392 г. Муром становится одним из городов Московского княжества и начинается возрождение города. Он является одним из оплотов в борьбе с Казанским ханством.

Попытки археологического изучения Муром предпринимались неоднократно, но планомерного археологического исследования не производилось. В настоящее время город представляет собой комплекс археологических памятников XIII—XVII вв. Среди них наибольший интерес представляют Кремль и посад (Николо-Набережное селище).

На Николо - Набережном селище незначительные по объему работы были проведены в 1946 г. Н. Н. Ворониным и в 1970—1971 гг. Н. В. Тухтиной. Они позволяют выявить динамику роста посада. Ядро его находится в районе ц. Николы Набережного, где поселение появляется не ранее XI в., а скорее всего в середине столетия. Первоначально посад растет вниз по течению Оки вдоль берега. В середине XII в. он начинает расширяться в юго-западном направлении.

Культурные напластования Кремля изучались в 1945 г. экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Н. Н. Воронина. В 1982—1983 гг. раскопки были возобновлены. Слои раньше XI в. не обнаружены. В XI в. Муром предстает перед нами как город со стабильной деревянной застройкой, развитым ремесленным производством и обширными торговыми связями. Наиболее богаты находками слои XI—XII вв. После того, как город был сожжен в 1239 г., жизнь в кремле замирает. Археологически слои этого времени очень бедны находками. Только отложения слоя конца XIV—XVI вв. фиксируют картину оживленной городской жизни.

Таким образом стратиграфическая картина последовательной смены напластований культурного слоя полностью соответствует периодизации этапов развития Муром, реконструируемой по данным письменных источников.

И. А. Озере

Раскопки могильника Гробиняс Приедиент в 1984 г.

Куршский грунтовой могильник Гробиняс Приедиент находится на юго-западной окраине г. Гробиня, в 10 км к востоку от

г.Лиепая. Он входит в ареал грунтовых захоронений среднего железного века юго-западной Латвии. Могильник является частью комплекса археологических памятников г. Гробиня и его окрестностей (городище, поселения, куршские и скандинавские могильники).

Гробиняс Приедиенс (Приедулайс — Пасторат) впервые в археологической литературе упоминается и долгое время был известен как курганные захоронения по обряду трупосожжения скандинавских переселенцев. В 1969 г. в 200 м северо-восточнее шведского некрополя был открыт и частично исследован куршский грунтовый могильник, раскрыты 18 трупоположений и 1 трупосожжение, датируемые П. П. Степиньшем V—VI вв. В 1984 г. были возобновлены исследования на скандинавском и куршском могильниках (под руководством В. П. Петренко и И. А. Озере). В последнем открыты 8 погребений, но только два из них бесспорно не потревожены.

Доминирующий обряд захоронения на куршском могильнике Гробиняс Приедиенс — грунтовые трупоположения. Только в 1969 г. раскопано одно грунтовое трупосожжение на стороне. Погребальные ямы прямоугольные с округленными углами (длина 2—3 м, ширина 0,7 — 1,7 м, глубина от поверхности земли 0,3—0,8 м), ориентированы ЮВ—СЗ или ЮЗ—СВ с небольшим отклонением на Ю или С. Большую роль в обряде играли огненные ритуалы, на что указывают обнаруженные очаги и угли в могильных ямах. Характерной чертой могильника является наличие возле захоронений больших камней или фрагмента каменного венца (погребение 1). Аналогичные конструкции известны по раскопкам могильников Капседе, Гейстаути и Мазкатужи.

Инвентарь погребений сравнительно бедный, плохо сохранившийся. Найдены фрагментарные и целый железные ножи, пряслица дисковидной формы из песчаника, железное втульчатое копье конца VIII в. Почти во всех захоронениях обнаружены миниатюрные глиняные сосуды тюльпановидной и биконической формы или их фрагменты. В женском погребении 8 в изголовье найдена берестяная коробочка, украшенная бронзовыми спиральками. Такие коробочки и миниатюрные сосуды известны почти исключительно в могильниках Литовского взморья и Юго - западной Курземе, начиная с раннего железного века. Украшения наиболее ярко представлены в захоронении 8: две бронзовые тугуливидные (с отростком) фибулы, два цепедержателя и цепочка, бронзовая шейная гривна с утолщенными, обмотанными концами, оформленными в виде петли и крючка, шейное украшение из серебряных цилиндров, ожерелье из стеклянных и янтарных бус, на руках — два бронзовых браслета с гранеными булавоподобными концами, спи-

ральные перстни, на груди и у головы — остатки железных посюхвидных булавок. У правого бедра — одна крупная, шаровидная стеклянная и три биконические янтарные бусины. Кроме того в изголовье обнаружен миниатюрный бронзовый браслет. Комплекс датируется концом V в. Почти все упомянутые украшения имеют аналогии в грунтовых захоронениях с каменными венцами в Литве, реже встречаются в соседних территориях. Найдены также 4 бронзовые римские монеты II в. (определение Т. М. Берга), положенные в берестяной туес (погребение 4).

Результаты раскопок куршского грунтового могильника Гробиняс Приедиенс позволяют решать вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего грунтовые захоронения с каменными венцами. Ареал этих памятников занимает западную и северо-западную часть Литвы. Они датируются от начала н. э. до конца VII в. н. э. Большинство исследователей считают их куршскими. Некоторые исследователи полагают, что самую северную часть ареала населяли курши, а юго - западную — скалвы. Высказывалось мнение о том, что могильники оставлены жителями земли Ламаты. Все исследователи считают, что юго-западную часть Курземе населяли курши, зафиксированные на данной территории письменными источниками IX в. В Латвии не обнаружены грунтовые погребения с четкими каменными венцами, но это различие не существенное, поскольку юго-западная Курземе в среднем железном веке являлась периферией культуры, центр которой находился в районе Клайпеды. Многие предметы, найденные в Гробиняс Приедиенс, имеют прямые аналогии или распространены только в ареале грунтовых захоронений с каменными венцами (Литовское взморье). Из сказанного следует, что юго-западную часть Латвии и ареал погребений с каменными венцами в Литве можно рассматривать как единую культурную область, населенную куршами. Этому не противоречат и данные лингвистики.

Раскопки 1984 г. уточняют хронологические границы могильника: нижняя дата отодвигается к раннему железному веку, верхняя — к концу VIII в. Это дает возможность судить о преемственности материальной культуры населения данной территории, а также позволяет ставить вопрос о взаимоотношениях местных жителей со скандинавскими переселенцами, некрополь которых расположен рядом.

Н. И. Асташова, Т. А. Пушкина, Л. С. Розанова

Сравнительный анализ технологии железообработки Гнездова и Смоленска (к проблеме возникновения города)

Подход к проблеме возникновения Смоленска с позиции техно-

логической характеристики, на наш взгляд, правомерен, поскольку технология кузнечного производства, как и любого другого представляет собой систему определенных навыков труда, освоение которых невозможно путем пассивного наблюдения за приемами работы. Сложившиеся навыки обращения с металлом консервируются в процессе длительной практики и становятся традиционными. Являясь достоянием узкого круга профессионалов, они держались в секрете и передавались по наследству.

Отобранная для технологического изучения коллекция вещей представлена кузнечным инвентарем начала XII—XIII вв. из Смоленска и X—XI вв. из Гнездовского комплекса. Из каждого памятника выбраны для сопоставления по четыре категории изделий: ножи, топоры, косы, ножницы. Количественно преобладают ножи, обладавшие наиболее подвижной технологией.

Изготовление изделий из Гнездова сводится к семи технологическим вариантам: 1) трехслойный пакет (29 ножей, коса, топор, ножницы); 2) вварка стального лезвия в железную основу (нож); 3) поверхностная цементация клинка (нож); 4) цельностальные изделия (два ножа); 5) торцовая наварка стального лезвия на железную основу (нож, ножницы); 6) косая наварка стального лезвия (ножницы); 7) цельножелезные изделия (нож).

Технологическая схема изготовления предметов из Смоленска укладывается в пять вариантов: 1) поверхностная цементация (три ножа); 2) цельностальные изделия (три ножа); 3) торцовая наварка стального лезвия на железную основу (три ножа, топор); 4) косая наварка стального лезвия (два ножа, коса); 5) цельножелезные изделия (четыре ножа, ножницы).

Корреляция обнаруженных технологических конструкций позволила выявить отсутствие в ремесле Смоленска такого сложного технологического приема как трехслойный пакет, являющийся преобладающей технологией в железообработке Гнездова (80%). Все технологические схемы, зафиксированные в материалах Смоленска, в продукции гнездовских мастеров представляют исключительное явление.

Таким образом, наблюдаемые различия в технологии изготовления однотипных изделий дают возможность сделать вывод о существовании различных традиций железообработки у населения Смоленска и Гнездова. Тем самым в свете рассмотренных данных гипотеза о перенесении Смоленска из Гнездова на материалах нашего исследования не находит подтверждения.

В. В. Бебре

Кожаная обувь Риги в XII—XIV вв.

В докладе суммированы результаты исследования мягкой

кожаной обуви г. Риги XII—XIV вв., обнаруженной при раскопках 1971—1980 гг. (всего более 1500 фрагментов). В основу анализа положена типологическая схема, разработанная Е. И. Ояевой. По методу закройки мягкая обувь разделяется на два типа: цельнокроеная и детальнокроеная. Цельнокроеная обувь сделана из одного куска кожи: подошва и верх ее представляют собой одну деталь. Детальнокроеная обувь состоит из двух отдельных основных частей — подошвы и верха. К верху пришивались небольшие дополнительные детали.

Из цельнокроеной обуви в Риге встречается только конструктивно несложная форма — простые поршни. Анализ заготовок позволил выделить 3 формы покроя: 1) вытянутая четырехугольная форма; 2) вытянутая четырехугольная форма с круглым носком; 3) нерегулярная круглая форма. Ширина и длина выкройки поршня соответствует размеру ноги с напуском на носок, задник и бока. По краю носка, пятки и в боках делались прорезы для затяжек. Большинство найденных в Риге поршней изготовлены из хорошо сохранившихся частей уже сношенной детальнокроеной обуви. Такого вида цельнокроеная обувь была распространена в слоях XI—XIII вв. в ряде древнерусских городов: Белоозере, Москве, Минске, Новгороде, Пскове, Полоцке, а также на территории Латвии (Кокнесе).

Рижская детальнокроеная обувь в зависимости от покроя заготовок и от системы прикрепления обуви к ноге делится на несколько групп и видов. По покрою подошвы она разделяется на две группы: 1) обувь с подошвой, имевшей круглый носок и удлиненную пятку; 2) обувь с подошвой, имевшей круглые носок и пятку.

В рижском материале зафиксированы только два верха и один фрагмент подошвы, которые соответствуют первой группе детальнокроеной обуви. Обувь с удлиненной пяточной частью подошвы встречается вплоть до XIII в. Сходная обувь известна в отдельных древнерусских городах и на территории Скандинавии.

Вторая группа детальнокроеной обуви самая многообразная. Это туфли с передними и с боковыми разрезами, специальными боковыми ушками для крепления, а также сапоги. Разрез туфли мог быть свободным и затянутым. В Риге, как в большинстве средневековых городов, найдены туфли с передним свободным разрезом, длиной 4—8 см. Такая обувь крепилась на ногу при помощи кожаного ремешка, пропущенного через специальные прорезы. Это самый распространенный тип обуви XIII—XIV вв., характерный для многих городов северной, западной и восточной Европы. Покрой их главных деталей всюду почти одинаков. Туфли с передним шнурованным разрезом крепились на ногу только путем стягивания разреза. Такого вида обувь известна в Вильнюсе, Новгороде,

Франкфурте-на-Одере, Калмаре и в Орхусе. В Риге, Таллине, Вильнюсе и в городах Польши (Гданск, Волин), в Скандинавии (Орхус) и в Германии (Франкфурт-на-Одере, Любек) найдены туфли с специальными боковыми ушками для крепления обуви на ноге и туфли со свободными и шнурованными боковыми разрезами.

К второй группе по покрою подошвы относятся и сапоги. В Риге были распространены сапоги трех видов покроя: 1) верх которых состоял из головки и двух деталей голенища; 2) верх которых кроился из союзки и двух деталей голенища; 3) сапоги скроенные из двух деталей верха — головка выкроена вместе с передней частью голенища. Сапоги первого вида покроя были найдены в слоях XII—XIV вв. в польских и древнерусских городах. Остальным видам сапог параллели пока не известны.

Проведенное исследование показало, что в Риге в XII—XIV вв. были распространены многообразные виды кожаной обуви. Это свидетельствует о смешанном этническом составе населения и о взаимодействии различных культурных традиций в г. Риге.

К. Г. Каталинас

Вильнюсские коробчатые изразцы второй половины XVI и XVII вв.

Коробчатые изразцы XVI—XVII вв., наряду с бытовой керамикой, являются самой многочисленной группой археологических находок Вильнюса. Они украшались рельефным орнаментом, ангобом, разноцветными глазурями.

В 1983 г. во время археологических исследований на ул. К. Гедриса собрано около 8000 изразцов и их фрагментов. По конструктивному назначению они подразделяются на шесть групп: зеркальные, угловые (цокольные), фризовые изразцы, декоративную черепицу и городки (коронки). Полностью реконструировано свыше 100 орнаментальных заполнений лицевых пластин; еще около 30 вариантов орнаментовки восстановлено на 50% и более. Значительная часть вариантов орнамента имеет аналогии в других городах Литовской ССР и в соседних государствах; часть их до сих пор была известна только в Вильнюсе.

Зеркальные (стенные) изразцы в середине XVI в. имели разные пропорции и размеры, высокую (9—12 см) румпу. Пластина некоторых из них имела высокую декорированную рамку, однако, встречаются и низкие рамки прямоугольного сечения. Изразцы часто украшались изображением вазы, колоннады, а также изображениями в гротескном стиле. Следует отметить, что такого рода орнаменты широко использовались и позже.

Изразцы второй половины XVI—начала XVII вв. обычно квадратной или близкой к квадрату формы (16—19 см в поперечнике) с укороченной румпой (7—8 см). Рамка в сечении прямоугольная или ступенчатая. В это время часто встречаются ранее не использовавшиеся мотивы: алегории, симметричный «кованный» орнамент; широко применяются неорнаментированные изразцы с выпуклой или вогнутой пластиной. Замечена тенденция к схематизации и уплощению орнамента. Особой популярностью пользуется покрытие зеленой глазурью.

В XVII в. получают распространение изразцы без рамки, с «ковровым» орнаментом (целостный сюжетный рисунок складывается из нескольких изразцов). Наряду с ними встречаются изразцы с модифицированными прежними орнаментами. С конца XVI в. орнамент иногда покрывается светлой глазурью на темно-синем фоне. Замечено дальнейшее укорачивание румпы: в середине XVII в. ее высота достигает как правило 5,5—6 см.

Угловые изразцы в XVI — первой половине XVII вв. чаще всего изготавливали следующим образом: к целой пластине лепилась половина разрезанной аналогичной пластины. В XVI в. иногда использовались половинные пластины с нестандартным орнаментом. Во второй половине XVI — первой половине XVII вв. употреблялись также половинные пластины с суженным стандартным орнаментом.

В первой половине XVII в. получают распространение угловые нишевые изразцы, отдельные части которых украшались не связанным между собой орнаментом. С конца XVII в. начинается производство изразцов — колонок, применявшихся до XIX в. включительно.

Карнизные изразцы в Вильнюсе во второй четверти XVI в. встречаются трех основных форм: а) с вертикальной пластиной и крышкой сверху; б) с вертикальной пластиной и валиком внизу; в) с вогнутой пластиной и валиком внизу. Во второй — третьей четвертях XVI в. в орнаментике применяются преимущественно геометрические мотивы.

В последней четверти XVI в. начинается производство изразцов s — образного и полукруглого сечения; распространяются новые варианты декора: сплошной растительный орнамент, изображение ангелов или животных, обращенных к центру, мотив головы херувима, а также «кованный» орнамент. Распространяется украшение валиков изразцов изображением листьев.

С середины XVII в. широко используются изразцы полукруглого сечения, декорированные мотивом свисающих или s — образных веток. В конце XVII в. используются и неорнаментированные изразцы аналогичной формы.

Фризковые изразцы середины XVI в. известны двух, различающихся по сюжету, вариантов. В одном варианте изображается загонщик с двумя гончими, в другом — зайцы, собирающиеся варить косялю. В конце XVI — первой половине XVII вв. популярны фризковые изразцы с изображением охоты на оленя. Целостный сюжет складывается из трех изразцов.

В XVII в. использовались изразцы со схематическим изображением музыкантов, а также со сценой дуэли. Во второй половине XVII в. нередко применялись фризковые изразцы с s-образным растительным орнаментом.

Декоративные черепицы датируются XVI в. Они использовались для украшения переходных частей печей; иногда ими покрывалась и верхняя часть. Черепицы чаще всего украшались чешуйчатым орнаментом (по ассоциации с черепичной крышей). Встречались также геометрические мотивы.

Изразцы-коронки представлены более чем десятью вариантами. Выделяется серия, декорированная растительными мотивами. Ранние варианты (первая половина XVI в.) украшены в верхней части стилизованным цветком лилии. В более поздних образцах (вторая половина XVI в.) нижняя часть украшена трельяжем, верхняя — тремя трилистниками, боковые листки которых позднее соединяются между собой, вследствие чего орнамент становится ажурным. В середине и во второй половине XVII в. изготавливаются коронки с тремя направленными вверх листками. Другие коронки имеют форму сегмента или треугольника. Здесь следует выделить часто встречаемые образцы с мотивом вазы (последняя четверть XVI — первая половина XVII вв.) и с геометрическими мотивами (середина XVII в.).

А. А. Егорейченко

О происхождении антских двуспиральных подвесок

В состав широко известных антских кладов Курско-Харьковского варианта входили двуспиральные височные подвески, не известные на этой территории в предшествующее время. Картографирование подобных украшений показывает, что во второй четверти — середине I тыс. н. э. двуспиральные (очковидные) подвески были известны в трех местах: 1) в Западной Литве; 2) на Средней Оке; 3) на Кавказе.

Сравнительный анализ подвесок из этих трех центров свидетельствует о близости антским подвескам очковидных подвесок Кавказа, где они производились на протяжении многих тысячелетий. Во II—V вв. н. э. очковидные подвески получили широко рас-

пространение среди носителей цебельдинской культуры. Основываясь на ряде признаков, можно считать, что именно они послужили прототипами двуспиральных височных украшений антов. Об этом свидетельствуют их близкая форма, размеры, а также многовитковость спиралей.

Одной из важнейших черт, связывающих кавказские и антские подвески, является хронологическая близость финальных погребений цебельдинских могильников, содержащих этот тип украшений, с антскими древностями. Наиболее поздние подвески Цебельдинского могильника датируются рубежом V—VI — первой четвертью V вв., а позднейшие захоронения в могильниках цебельдинской культуры относятся к концу VII в. н. э. О тесных связях антских племен с Югом, в том числе и с Кавказом, может свидетельствовать и то, что в составе ряда кладов (Мартыновка, Суджа) присутствуют вещи местного производства, но имеющие аналогии на Северном Кавказе (поясные наборы и антропоморфные фигурки из могильника в Чми).

Таким образом, следует признать, что прототипом для антских двуспиральных височных украшений послужили кавказские очковидные подвески. Используя их в качестве образца, антские мастера — ювелиры изготавливали свои собственные украшения из серебра, а не бронзы, как это было принято на Кавказе. Это является убедительным свидетельством местного происхождения большей части находок антских кладов.

Р. Янкаускас

Следы болезней на костях жителей Литвы I тысячелетия н. э.

Исследование костных останков людей прошлого позволяет судить о состоянии их здоровья и заболеваемости и дополняет знания об условиях жизни в древности. Остеоскопически исследовано 504 черепа и 319 посткраниальных скелетов взрослых лиц, а также 76 детских черепов, обнаруженных в последнее десятилетие на территории Литовской ССР, и датируемых I тысячелетием н. э.

Травмы свода черепа обнаружены у 18 лиц мужского пола (8,1%) и у 2 женщин (1,2%). Травмы лицевого скелета обнаружены только на мужских черепах (10 случаев, 5,2%). Следы травм чаще всего встречаются на лобной (29,0% от общего числа травм) и левой теменной костях (22,6%, а также на носе 12,9%). Чаще всего поражена левая сторона черепа (61,3%). Из 21 травмы свода черепа 10 сделано острым, а 9 — тупым предметом; 15 имеют явные признаки заживления. Обнаружено также 3 черепа со следами

возможного врачебного вмешательства. Следы переломов трубчатых костей обнаружены только на мужских скелетах (16 случаев, 1,5%). Переломы чаще всего встречались на левой локтевой (4,6%), левой лучевой (3,2%) и правой локтевой (2,3%) костях. Зафиксировано 6 случаев переломов позвонков. Все они также принадлежали лицам мужского пола.

Мужские скелеты были больше подвержены дегенеративно-дистрофическим заболеваниям. На позвоночнике частота деформирующего спондилёза у мужчин и женщин соответственно 25,8% и 7,7%; остеохондроза — 2,6% и 1,3 процента; грыж межпозвоночного диска (узлов Шморля) — 3,8% и 0,4%; спондилёартроза — 4,6% и 1,7%. Разница более высокая после 40 лет. Частота признаков деформирующего остеоартроза (DOA) у мужчин и женщин соответственно 4,8% и 1,0%. Разница усугубляется с возрастом. И у мужчин, и у женщин правая рука поражена больше левой (соответственно 8,8% и 5,1%; 2,2 процента и 0,6 процента), в то время как суставы правой и левой ноги поражены одинаково. Следы

туберкулезного поражения позвоночника обнаружены в двух случаях (женщина 25—30 лет и мужчина 45—50 лет). Встречаемость периостита (воспаления надкостницы) на мужских и женских костях соответственно 1,6% и 1,1%. У одного мужчины 30—35 лет поражены обе лучевые, бедренные и большеберцовые кости. Вероятно, что он страдал каким-то тяжелым хроническим заболеванием. Диагноз хронического остеомиелита поставлен у 3 мужчин. Во всех случаях поражены были большеберцовые кости. Обнаружено также 5 случаев доброкачественных остеоом (у 3 женщин и 2 мужчин). В последнее время в литературе утвердилось мнение, что хроническая анемия оставляет следы на черепе в виде решетчатости крыши глазницы. В нашем материале такие изменения отмечены у 1,8% мужских, 2,9% женских и 26,3% детских черепов.

Половые различия в травматизме и в патологии суставов и позвоночника свидетельствует о различном образе жизни и об разделении труда между полами. Мужчины и женщины примерно одинаково часто болели различными хроническими заболеваниями. Уже в I тысячелетии н. э. в Литве встречался туберкулез. Большая частота следов анемии на детских черепках, возможно, указывает на одну из причин большой детской смертности. Точная палеопатологическая диагностика возможна только при наличии полного скелета.

Л. В. Дуциц

Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии

Культ камней широко распространен у белорусов. Сбором сведений о культовых камнях и каменных крестах занимались исследователи XIX — начала XX вв. (В. П. Шейн, П. Шпилевский, Ф. В. Покровский, А. Сапунов, Е. Р. Романов). В 20-ые годы нашего столетия в республике проводилась работа по регистрации и охране камней с надписями и знаками. В 1928 г. опубликована обобщающая работа М. С. Мелешко.

Детальное изучение памятников начато в последние годы. Сбор литературных сведений, данные, полученные путем рассылки запросов по всем сельсоветам республики и итоги разведок позволили сделать предварительную классификацию памятников: а) культовые камни-валуны (156); б) каменные идолы (22); каменные кресты (не менее 100).

Культовые валуны

1. Валуны без знаков (40). Названия: Кравец, Степан, Змений камень, Адамов камень, Великий камень, Комсин камень. Два рядом находящиеся почитаемых камня известны как Демьян и Марья, Гусь и Баран, Туры, Каменные валы. Камни отождествляются с окаменевшими людьми вместе с волами. Есть камни, связанные с преданиями о черте или дьяволе. Часть камней интерпретируются как окаменевшие свадебные поезда, которые повстречались с лютым змеем и были им прокляты. Известны камни любви, камни, обладающие исцелительной силой и камни, под которыми закопаны клады. Известны почитаемые камни в руслах рек. Зафиксированы валуны на курганах. Многим валунам поклонялись до недавнего времени и приносили дары — холсты, шерсть, телят, поросят, деньги.

2. Валуны - следовики (50). Большинство антропоморфные (имитация босой ступени или ступни в обуви). Три валуна — зооморфные. В большинстве случаев на камнях имеется по одному следу, но есть и по два (чаще след взрослого и след ребенка). Один камень несет изображения трех следов. Величина следа натуральная. Глубина 1—2 см. Обычно след носком ориентирован на север. Следы приписываются как святым, так и нечистой силе, Зооморфные следовики имеют след оленя, лошадиного копыта и на одном камне следы медведя, зайца, лисицы и волка,

3. Валуны с подковообразными знаками (8).

4. Валуны с рисунками (5). На одном из камней изображена голова человека и голова лошади, лук и стрелы. Известны изображения зверей, птиц, оружия, орудий труда.

5. Валуны с письменами (13). Выделяется камень в виде колокола «Воротишин крест» с шестиконечным крестом. Сведения о других фрагментарны.

6. «Борисовы камни» (7). Пять из них в русле Западной Двины (Подкостельцы близ Полоцка, три камня у г. Дисны, один у г. п. Друя) и два камня на суше — Орша и Высокий Городец. На всех камнях высечены кресты и надписи.

7. Валуны с отдельными знаками (4). Это знаки в виде крестов, стрелочек, решеток.

8. Валуны с высеченными крестами (20). Встречается от одного до трех крестов. Камни с высеченными крестами известны и в руслах рек. Городские книги и юридические акты Белоруссии XVI — XVII вв. позволяют предполагать, что камни с высеченными крестами служили межевыми знаками.

9. Валуны с углублениями (9). Углубления чаще всего чашеобразные или тарелкообразные.

Каменные идолы

1. Монументальные поясные изображения человека (13). Их высота от 0,6 до 1,2 м. Лица высечены рельефно, с подчеркиванием индивидуальных черт. Выделяются шкловский и слонимский идолы, по форме напоминающие мужской торс. Отмечается повторное использование некоторых идолов в часовнях и на кладбищах.

2. Трехликие идолы (2). Один напоминает фигуру человека, другой — небольшой камень, на котором выразительно высечены три лица-образа.

3. Личные идольчики (2). Один обнаружен на груди погребенного в кургане, второй — на городище.

4. Идолы в виде столбов с высеченными наверху головами или лицами (не менее 5).

Каменные кресты

Известны на перекрестках дорог, возле водных переправ, на местах битв, при закладках храмов, на краях деревень и городов для защиты от татар, французов, шведов, а также для защиты от холеры. Многочисленны намогильные кресты. Каменные кресты встречены возле курганов и даже на курганах. Некоторым крестам поклоняются в наши дни и приносят дары. Широко бытуют предания о крестах как о символах спасения от врагов. Распространены легенды о зарытых под крестамикладах, похищенных французами в 1812 г. в России. На Туровщине считается, что каменные кресты приплыли туда по Припяти из Киева. По форме кресты однообразны, высечены неаккуратно, часто асимметрично. Средняя высота

1,5 м, ширина лопастей около 1 м, толщина 0,4 м. Изредка встречаются неразборчивые надписи и монограммы. Иногда в средокрестиях высечены крестики, форма которых различна. Зафиксированы повторные надписи — одни поверх других. На севере республики отмечены случаи современного обновления краской надписей XIX в. Основная масса крестов—XVII—XIX вв. (по данным эпиграфики). Наиболее древние кресты относятся к XVI в. (Сокорово, Вендорож, Витуничи).

В. Матулис

Литовские жертвенные камни

В Литве — последней стране Европейского континента, сохранившей в эпоху позднего средневековья язычество — получили распространение разнообразные формы жертвенных камней. Общее число известных жертвенных камней на территории Литвы к настоящему времени превысило 300.

Наиболее древние из литовских жертвенных камней — камни с небольшими круглыми углублениями-ямками (диаметр 4—6 см, глубина 1—2 см). В Литве их известно очень немного, в то время как на территории Эстонии камни с углублениями обнаружены в количестве около тысячи. Сходные формы камней известны почти по всей Европе. Основная их часть относится к I тысячелетию до н. э.

К более позднему времени относятся камни с углублениями различной формы: трапециевидные, прямоугольные, канавки и др. Известны также жертвенные камни с гладкой заполированной поверхностью.

Наиболее поздними являются камни правильной округлой формы с расширением в нижней части с цилиндрическими (похожие внешне на пни деревьев) углублениями, сделанными, вероятно, с применением железных орудий. Углубления были крупными: диаметр их достигал 15—16 см, глубина — до 10 см. Эти камни, как правило, находят в отдаленных от мест поселений местах. Известны сведения о жертвоприношениях у таких камней, связанных с обрядом разжигания огня. Археологические материалы, полученные В. Урбанавичюсом, датируются временем вплоть до XVII в. — до времени борьбы иезуитов с возродившимися языческими культами в Литве.

Второй вид поздних жертвенных камней — камни с углублениями конической формы. Обычно их находят в старых деревнях, около усадеб, часто — под углами домов. Эти камни очевидно принадлежат к числу домашних жертвенников, известных по источникам

начала XVII в. Подобные жертвенники, по описаниям иезуитов, были спрятаны в подсобных помещениях, часто находились в перевернутом состоянии, были покрыты соломой. Сохранилось описание обряда жертвоприношения на домашних жертвенных камнях: вызванная жрица приходила в тайное время к камню и бросала в углубление определенное число комков хлеба.

Остается не вполне ясным назначением углублений на жертвенных камнях. Кроме пищевых жертвоприношений, в углублениях могла собираться дождевая вода, использовавшаяся, по этнографическим данным, в лечебных целях. Канавки на жертвенных камнях с углублениями могли быть связаны с ритуальными действиями, в которых важное место отводилось заклинанию животного, тогда по этим канавкам должна была стекать кровь, собиравшаяся в углублении.

Обследование камней с «отпечатками» ступни, копыт животных, т. н. «ужей» и т. п. привело к выводу, что эти камни природного происхождения. Их следует отнести к категории «мифологических камней», которые, однако, в отдельных случаях, могли использоваться и как жертвенные.

Кроме камней с разнообразными углублениями в Литве широко представлены также крупные валуны без следов обработки человеком, о почитании которых, однако, сохранились воспоминания и легенды.

О. А. Трусов

Из истории архитектурной археологии Белоруссии

Архитектурная археология в Белоруссии прошла длительный путь развития. Первые археологические исследования архитектурного памятника проведены в 90-е годы XVIII в. в Полоцке: неизвестным исследователем был раскопан триконх Бельчицкого монастыря, основанного в XII в. Русские и польские исследователи XIX — начала XX вв. собрали большой фактический материал по истории архитектуры Белоруссии. Были обследованы многие памятники, сделаны их первые обмеры. Иногда проводились и небольшие раскопки. Изучались строительные материалы и системы кладок. В конце XIX — начале XX вв. в Белоруссии работали лучшие представители демократической интеллигенции России — П. П. Покрышкин и В. В. Суслов.

После Октябрьской революции архитектурная археология в БССР начинает бурно развиваться. Раскопки полоцких храмов XII в., проведенные на высоком научном уровне И. М. Хозеровым,

дали начало выделению самостоятельной полоцкой архитектурной школы.

Новый этап развития белорусской архитектурной археологии начался в послевоенные годы. Он характеризуется большим объемом поисковых работ, в результате которых найдены десятки ранее неизвестных архитектурных памятников. Раскопки Н. Н. Воронина (Гродно), В. Р. Тарасенко (Минск), М. К. Каргера (Полоцк, Витебск, Волковыск, Новогрудок, Туров), П. А. Раппопорта (Волковыск и Полоцк), В. А. Еулкина (Полоцк) позволили по-новому понять и объяснить сложные процессы становления и развития архитектуры западных земель Киевской Руси, окончательно выделить полоцкую и гродненскую архитектурные школы.

С конца 60-х годов начались раскопки памятников XIII—XVIII вв. Результаты этих исследований, опубликованные в основном в работах М. А. Ткачева (Новогрудский, Лидский, Мирский, Кревский, Молодечненский, Гераненский, Мядельский, Витебский замки, Старый замок в Гродно, замок в Иказни) и М. В. Малевской (Новогрудский детинец) дополнили разделы истории архитектуры Белоруссии, посвященные ранней готике и фортификации.

С 1977 г. по настоящее время кроме Института истории АН БССР, Института археологии АН СССР (Ленинградское отделение) и Гродненского университета изучение архитектурных памятников Белоруссии проводят Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры БССР. В первую очередь это исследования белорусских замков: Старый замок в Гродно (1977 г.), Лидский замок (1977—1978, 1980 гг.), Мирский замок (1980-1983 гг.), Заславльский замок (1979 г.) и замок в Гольшанах (1981—1983 гг.). В результате изучения памятников фортификации уточнена их датировка и планировка, собрана большая коллекция древних строительных материалов и других археологических находок.

Большое внимание уделяется изучению культовой и светской архитектуры. Результатами этих работ стало: обнаружение нового памятника XII в. — Пречистенской церкви в г. Гродно (1980 г.); уточнение плана и конструкций фундаментов и полов Коложской (1981 г., совместно с ЛОИА АН СССР и 1983 г.) и Витебской (1982 г. совместно с ЛОИА АН СССР) церковью XII в.; окончательное установление дворцового характера постройки XII в. на Старом замке в Гродно (1981 г. совместно с ЛОИА АН СССР). Исследованы также Могилевская ратуша XVII в. (1979 г.), Цинский иезуитский коллегиум XVII в. (1982 г.), фундаменты мужского базилианского костела XVII в. в Минске (совместно с институтом истории АН БССР), изучено подворье Никольской церкви XVII в. в г. Могилеве (1980 г.). Проводились и спасательные работы на ряде

сложных и крупных археологических комплексов в городах Чечерске (1981—1982 гг.), Мозыре (1981—1983 гг.), Могилеве (1981 г.) (1981—1983 гг.).

В результате проведенных исследований удалось изучить историю развития техники различных видов каменных кладок, эволюцию строительных материалов (кирпича, черепицы, плиток пола), архитектурно-декоративной керамики (фасадные плиты и изразцы), других категорий археологического материала, позволяющих датировать все основные этапы жизни памятника архитектуры.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ПСКОВЕ И ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И. К. Лабутина

Опыт изучения нижних отложений культурного слоя Пскова в раскопах на ул. Ленина

Раскопками на ул. Ленина были раскрыты остатки двух разнородных и разновременных памятников: курганного кладбища и святилища X — первой половины XI вв. и перекрывавшего их культурного слоя псковского посада. Такое соотношение памятников в общей свите отложений не является частым в практике древнерусской археологии. Методика исследования подобных сочетаний остается неразработанной.

Мощность культурных отложений в раскопах колебалась в пределах 270—380 см. Значительную часть слоя составляли отложения XVIII—XX вв. (около 150 см, нижние отметки — на гл. 80—140 см). Средневековые отложения слоя посада колебались от 80 до 140 см. Нижняя часть слоя, представленная песком с включениями в него в виде прослоек и пятен погребенного гумуса, а также глины и угля, отражала период существования курганного кладбища. Эти отложения, перекрывавшие песчаный, песчано-глинистый или глинистый материк, сохранились на большей части площади раскопов, хотя имели разную мощность (от 8 до 96 см). В некоторых местах культурный слой посада лежал на материке. В ряде мест удалось зафиксировать древний дерн периода существования кладбища, лежавший непосредственно на материке. Выделение древнего дерна (коричневая плотная мелкоструктурная почва) облегчалось там, где дерн отделялся от культурного слоя песком.

Над песком везде, где не было нарушений, прослеживался слой серой супеси, иногда — с мелкими углистыми включениями (толщ. 3—35 см). С уровнем этого слоя связывались остатки первых построек участка. Выше залегал слой, насыщенный органикой.

На границе с супесью во многих местах он подстилался черным углистым слоем с включениями перекаленного булыжника. В составе этих отложений изредка попадались включения мелких кальцинированных костей, вероятно, переотложенных с уровня кладбища. Здесь же встречались пятна песка — результат выброса из ям, вторгавшихся в зону песчаных отложений.

Трудности фиксации определялись главным образом стертой черт курганного кладбища. Следы насыпей во многих случаях не устанавливались, т. к. вершины их оказывались сnivelированными, а ровики были засыпаны или перекопаны.

Опыт первого сезона, когда изучались погребения псковского некрополя (1974), позволял ожидать в песчаных отложениях под культурным слоем следующие объекты: 1) курганы и связанные с ними конструкции; 2) слой древнего дерна периода существования кладбища со следами тризы и других ритуальных обрядов; 3) переотложенные в ходе функционирования кладбища погребения, вещи, надгробные сооружения; 4) непредвиденные объекты. Практика раскопок показала, что если объекты группы 3 можно открыть, продолжая раскопки пластами, то для групп 1 и 2 этот способ неприемлем. Важным стратиграфическим показателем для их отыскания стали гумусные прослойки — следы дерна, покрывавшего насыпи курганов, погребенного подкурганного дерна или дерна, отражающего травяной покров межкурганых участков. В ряде случаев небольшие включения гумуса отражали процесс нивелировки насыпей.

На уровне песчаных отложений была применена методика раскопок курганов сплошной площадью по пластам (с учетом отсутствия признаков отдельных объектов на поверхности песка) и слоям (с раскрытием от пласта к пласту участков древнего дерна). Последовательность работ была следующей. Культурный слой поселения снимался по пластам с включением в чертежную документацию как сооружений, так и заметных пятен песка, глины и др. до их полного выявления. Не исключался возможный выход насыпи на уровень первоначальных ярусов застройки. При приближении к уровню песчаных отложений (что устанавливалось по увеличению пятен песка) закладывались бровки шириной 50 см, позволявшие дополнительно контролировать стратиграфию на границе памятников. Бровки помогали выявлению признаков насыпей и атрибуции ям. Важным показателем близости слоя курганного кладбища был слой серой супеси. При выходе на песок производилась зачистка его поверхности на всей площади раскопа с соблюдением заглабления по пластам и фиксации на планах границ раскрытых на уровне пласта участков.

Следующим этапом было снятие песка по пластам с ручной

переборкой и фиксацией на плане всех индивидуальных находок, кальцинированных костей и, в случае необходимости, — керамики. Стратиграфические наблюдения по бровкам и стенкам ям (выбранных до разборки песка) позволяли выявить в разрезах прослойки погребенного гумуса и вести их горизонтальную зачистку, осуществляя тем самым раскопки по слоям. Выявленные участки заносились на планы пластов. Разборка их не производилась до полного выявления в нижележащих пластах и выяснения связи с окружающими остатками.

Благодаря наблюдениям за размещением слоев древнего дерна, удалось выявить контуры сохранившихся насыпей, установить их радиус, наличие ровика. Таким же образом были открыты ровик и перемишка святилища и выявлены его контуры.

При обнаружении и раскрытии контуров насыпи ее исследование производилось с заложением бровок, постепенным снятием дерна, насыпи, слоя погребенной почвы. Чертежная фиксация велась на планах пластов и отдельно по объектам. Опыт показал, что полезным является составление сводного плана участков дерна.

При выходе на материк (преимущественно песчаный, но отличающийся большой плотностью) производилась его зачистка и составлялся сводный план материка. Выполнялась выборочная прокопка материка.

Примененная методика позволила выявить 28 погребений, причем оказалась плодотворной для поисков захоронений, различающихся способом погребения (кремация, ингумация), видом помещения останков, а также обнаружить переотложенные останки и вещи периода существования кладбища.

В. Д. Белецкий

Работы в Псковском Кремле в 1983 г.

Экспедиция Государственного Эрмитажа вела работы на площадке Псковского городища и в Довмонтовом Городе. На городище проведены исследования близ Выставочного зала. Культурный слой здесь достигает мощности 3,5 м, распадается на три стратиграфических слоя. Верхний слой строительного мусора содержал материал XVIII—XIX вв. Здесь были найдены единичные предметы XIII—XVII вв. Основной слой, представлен гумусом интенсивно черного цвета с включением органических остатков, прослойками золы, песка, угля и проч. В верхней части слоя открыты деревянные конструкции, датированные по керамике и вещевым находкам IX—X вв. В основании этого слоя вскрыты фрагменты глинобитных полов построек VIII—IX вв. Нижний предматериковый слой серо-

желтой супеси содержал находки исключительно лепной керамики, среди которых были фрагменты сетчатых сосудов. С предматериковым слоем связаны остатки четырех построек, углубленных в материк. В одной из построек была найдена исключительно сетчатая керамика.

В Довмонтовом Городе проводилось исследование храма № 1. В четверике храма на площади 20 кв. м вскрыты полы храма. Установлено наличие здесь четырех последовательно сменявших друг друга полов. Два из них были устроены в XVI в., два — в XIV столетии. Под каменными конструкциями храма открыто захоронение, датировка которого определяется в пределах не позднее первой половины XIV в.; частично это захоронение было нарушено фундаментом подкупольного столба постройки.

В храме обнаружены остатки кладки. Он состоял из шести серебряных монет, трех фрагментов басмы и остатков железной коробочки, в которой, по-видимому, и помещался. Клад датирован первой половиной XVII в. (определение П. А. Шорина). Интерес представляют фрагменты басмы XV—XVI вв., сохранившей подпись мастера-торевта.

В слое между полами и на раскрытых участках стен храма обнаружены фрагменты фресок. Среди них особо отметим фрагменты лика трубящего ангела из композиции «Страшный суд» и лика молодого святого.

С. В. Белецкий

Толокнянский раскоп в Пскове (1983 г.)

Толокнянский раскоп на Запсковье заложен на участке строительства детского сада по ул. Первомайская. Площадь раскопа 742 кв. м, мощность слоя 0,6—1 м. Раскоп получил наименование по ближайшему памятнику монументального зодчества — Толокнянской башне Окольного города, находящейся от раскопа в 30 м. Стратиграфически выделено два слоя: верхний — темно-серый гумус с примесью битого кирпича, щебня, угольков, частиц золы, песка, комочков обожженной глины, прослойками золы, угля, древесного тлена; нижний — слой предматериковой серо-желтой супеси. Материк — светложелтый, местами зеленоватый песок.

Культурный слой сильно нарушен разновременными перекопками. Многие ямы, прорезавшие культурный слой, своими донными частями заглублены в материк. Синхронизация материковых ям по керамическому материалу позволила установить до четырех периодов «рытья ям»: XV в., XV—XVI вв., XVI—XVII вв. и XVII — нач. XVIII вв. Ямы XVIII—нач. XX вв. не выяв-

лены; позднейшие ямы относятся уже к послевоенному времени. Верхняя часть культурного слоя на глубину 40—50 см нарушена распахкой. Все эти наблюдения соответствуют установленному факту использования участка от 40-х годов XVIII в. до настоящего времени под огороды.

Интересна статистика массовых категорий находок: в слое западных участков раскопа (I—III) поздние материалы (XIX—XX вв.) встречены во всей толще отложений вплоть до предметного слоя. В площади восточных участков (IV—VI) встречено заметно больше (в 7—10 раз) индивидуальных находок XV—XVII вв., а поздние материалы обнаружены только в верхнем пласте культурного слоя. В то же время мощность слоя на восточных участках меньше, чем на западных на 30—50 см. По цвету и консистенции культурный слой в площади всего раскопа одинаков. Это позволяет считать, что «метровый» подход к оценке научной информативности слоя не всегда оправдан и может вводить в заблуждение относительно реальной ценности слоя. По-видимому, для оценки состояния культурного слоя, степени его нарушения и т. п. необходима выработка каких-то иных критериев, нежели мощность слоя, выраженная в сантиметрах и метрах (% соотношение различных категорий массовых находок).

Для изучения крепостных сооружений Окольного города была заложена траншея, шириной 1 м, от раскопа через участок, примыкающий к крепостной стене и далее — за стену через крепостной ров. Выявлены два строительных периода сооружения стены. Первоначальная крепостная стена датирована концом XV в., она сооружена на фундаменте из крупных блоков плитнякового камня. Дополнительный приклад на валунном фундаменте с внешней стороны стены был приложен в первой половине XVI в. Южный берег крепостного рва был первоначально укреплен деревянными конструкциями. Площадка между деревянными конструкциями и крепостной стеной была подсыпана глиной до горизонтальной поверхности. Перед стеной был сооружен деревянный частокол, представлявший собой линию предстенных укреплений. Впоследствии он был заменен частоколом по внутреннему склону рва. Первоначальный ров датируется концом XV в., наиболее поздняя прочистка данной части рва относится уже к началу XVIII в. Ров был заполнен водой.

Среди наиболее интересных находок в Толокнянском раскопе следует назвать вислую свинцовую печать XV в. Печать принадлежит группе т. н. «Печатей Троицких», являвшихся государственными печатями Псковской республики. Здесь же найдены два монетных клада. Один клад, датированный началом XVII в. (1608 г. по П. А. Шорину) был найден близ остатков плохо сохранившейся

постройки (бани?) ниже уровня открытых фрагментов пола. Постройка датируется по керамическому материалу XVI — началом XVII вв. Второй клад обнаружен в заполнении подпольной части жилища, ниже уровня древесного тлена от просевшего в подпол дощатого пола постройки. Клад датирован концом 30-х годов XVII в. По керамическому материалу постройка датирована XVII в.

В. П. Фролов

Раскоп в Пскове на ул. Детской (1983 г.)

Раскоп в Окольном городе заложен на участке строительства административного здания по ул. Детская. Площадь раскопа 540 кв. м, мощность слоя без материковых ям 2—2,2 м.

Стратиграфически выделено два слоя: верхний — темно-серый гумус с вкраплениями битого кирпича, щебня, песка, глины, извести; нижний — гумусированный чернозем. Мощность этих слоев неоднородна: в южной части раскопа преобладает второй, в северной — первый. Балластный слой был перед началом работ удален механизмами до уровня 4—5 пластов в южной части и до 7 пласта в северной.

На территории раскопа были открыты каменная ограда с примыкающей к ней постройкой из известняковых плит, датирующиеся XVIII в. Из деревянных сооружений наибольший интерес представляют два бревенчатых настила. Они состоят из плотно прилегающих бревен с пазами по краям. В некоторых местах в пазах были раскрыты вертикальные столбы. Под настилом был расчищен водоотводный дренаж с примыкающим к нему с юга-западной стороны деревянным желобом. В раскопе были обнаружены два каменных сооружения, напоминающих по форме колодцы. В песчаном материке открыто около 50 материковых ям, в заполнении которых найдена керамика XVI—XVII вв.

Наиболее массовым материалом в раскопе является керамика (около 5 тыс. фр.). В основном она относится к XVI—XVIII вв., но есть фрагменты более раннего времени. Среди вещевых находок преобладают обломки изразцов, киотов, дуговых кирпичей. Найдены обломки курительных трубок, литейные формочки, предметы из цветных металлов. Среди изделий из железа встречены бытовые предметы (топоры, ножи, кресала, светцы) и предметы вооружения (вток копья, боевой топор). Освоение участка началось с рубежа XIV и XV вв.

В. В. Седов

Работы в Изборске в 1984 г.

Археологическое изучение площадки Изборского городища

было завершено к 1983 г. Теперь исследовался вал, защищавший поселение с южной, напольной стороны. Он был прорезан трапещей шириной 2—4 м. Выявлено 5 основных периодов его строительства и реконструкции.

Первоначальный вал был сооружен из плотной глины и имел внутренний деревянный каркас типа городен. Раскопками открыты остатки обугленных бревен сруба. Размеры вала не поддаются определению из-за его нарушений при последующих работах. Датировка вала не ясна.

Следующий период строительства оборонительных сооружений относится к рубежу IX и X вв., когда на валу была сооружена каменная крепостная стена высотой около 2,5 м и шириной около 3 м. Внутренняя и внешняя облицовки ее сложены из подобранных плитняковых камней на глиняном растворе. Для нижней части облицовки в валу был вырыт котлован глубиной 0,3 м. Срединная забутовка стены состояла из щебня и рваных камней, набросанных беспорядочно. Со временем оборонительная стена упала; остатки развала были использованы при строительстве более позднего вала. При изучении остатков стены встречены единичные фрагменты лепной керамики, характерной для нижних горизонтов культурного слоя Изборского городища.

К концу X в. вал досыпается до высоты 2,5 м. При его сооружении используется плитняковый камень и отчасти культурный слой с площадки городища. На вершине вала строится каменная стена, от которой до нас дошли лишь крупные валуны фундамента.

Следующий этап реконструкции оборонительных сооружений городища совпадает со строительством каменной стены по периметру поселения и каменной башни в его мысовой части (рубеж XI и XII вв.). Вал с напольной стороны был насыпан из рваного плитнякового камня, использовался и культурный слой. Для прочности склоны вала выкладывались камнями или промазывались глиной. Теперь вал достиг высоты 6 м. На его вершине была сооружена каменная стена того же типа, что и по периметру поселения. Ширина ее около 3 м. Внутренняя и внешняя облицовки состояли из крупных блоков плитнякового камня, забутовка — из щебня и рваного камня. Кладка стены положена насухо. Можно полагать, что внутри ее имелся какой-то деревянный каркас. Эта крепостная стена дожила до 30-х годов XIII в.

Ко второй половине XIII в. относится пятый этап реконструкции оборонительных сооружений с напольной стороны Изборского городища. Теперь при помощи каменных стенок, которые придавали ему отвесность, был укреплен внешний склон вала. В начале XIV в., как свидетельствует летопись, Изборск был перенесен на новое место. В 1330 г. на Жеровьей горе была выстроена новая

каменная крепость, дожившая после нескольких реконструкций до настоящего времени.

В. В. Седов, О. К. Волочкова, Т. Ю. Закурина,
В. И. Кильдюшевский, И. К. Лабутина,
В. Г. Миронова, К. М. Плоткин, Н. Н. Фараджева

Работы Псковской экспедиции в 1984 г.

Псковская экспедиция Института археологии АН СССР и Псковского гос. объединенного историко-архитектурного и художественного музея - заповедника осуществляла археологическую службу в зоне распространения древнего культурного слоя Пскова, находящегося под охраной, как памятник истории и культуры всеобщего значения. Производились раскопочные работы в местах предстоящего строительства различных объектов.

Основные раскопы находились на ул. Ленина близ Педагогического института, где планируется строительство административного здания. Общая исследуемая площадь здесь 2498 кв. м, на части ее верхние горизонты культурного слоя были изучены в 1983 г.

Исследовались культурные напластования XII—XVII вв. Толщина культурного слоя 2,5—3 м. В нем сохранялись органические вещества, в частности — остатки деревянной застройки. Открыты десятки срубов жилых и хозяйственных построек, несколько строений столбовой конструкции, заглубленных в грунт, колодцы, дренажные трубоотводы, частоколы, разделявшие дворы-усадыбы, дворовые вымостки. Открыто и исследовано 7 строительных ярусов уличной мостовой. Улица эта известна по плану Пскова 1740 г. В одном из ярусов, датируемом второй половиной XIII в., сохранилось сплошное замощение улицы на протяжении 18 м. Устройство уличных мостовых такое же, как в Новгороде и других древнерусских городах. В процессе раскопок взяты спилы-образцы для дендрохронологического анализа.

Собрана большая коллекция вещевых находок (свыше 3000 предметов). Среди них особенно многочисленны изделия из дерева и бересты, в том числе есть ковши, ложки, части кадушек, туеса, коробки, поплавки и другое. Железные изделия представлены предметами хозяйственного и бытового назначения (серпы, косы, ножи, шилья, ключи, замки, дверные пробои, кресала и др.), вооружением и конским снаряжением (наконечники стрел и копий, удила, стремена, шпоры). Нередки вещи из камня (литейные формочки, рыболовные грузила, пряслица, точильные бруски и др.), из кости (гребни, рукоятки ножей, игральные фишки, печать), из глины.

Ювелирные изделия представлены бронзовыми браслетами и перстнями, крестиками и пряжками, найдены прекрасно исполненные золотые трехбусинная серьга и привески рясны. Некоторые находки (стеклянные браслеты и бусы, рейнская и поливная среднеазиатская керамика, янтарные крестики и бусы, шиферные пряслица) характеризуют широкие связи Пскова с древнерусскими и зарубежными землями. Встречены монеты XV—XVII вв.

Найдены предметы с буквенными начерками. Это — два куска бересты, один с буквами, написанными писалом, другой (на толстом слое коры) с вырезанными буквами, относящиеся в XIII — началу XIV в. Интересна каменная формочка с четырехбуквенной надписью в коническом углублении, предназначенном для отливки часто встречаемых на раскопках грузиков. В слое XIV в. найдено писало.

Для изучения государственной истории Пскова существенны находки двух вислых свинцовых печатей. Одна из них происходит из слоя XIV в. и содержит трехстрочную надпись на одной стороне и изображение архангеля Гавриила в полный рост с другой. Печать, оттиснутая той же парой матриц, происходит из Новгорода (Рюриково городище). Другая печать имеет на обеих сторонах изображения святых в полный рост и принадлежит к числу домонгольских княжеских печатей. Ближайшие аналогии ей находятся среди новгородских княжеских печатей второй половины XII в., в том числе одна из таковых была найдена в Пскове в 1972 г.

На Ильинском раскопе в Запсковье изучалась площадь 949 кв. м. Мощность слоя — 0,8—1,2 м. Верхние горизонты были сильно потревожены при поздних работах и только нижние толщиной 0,2—0,4 м и ямы в материке относились к XV—XVII вв. Прослежена древняя улица шириной 3,5—4 м, шедшая к Ильинским воротам и обозначенная на плане Пскова 1740 г. От нее сохранились остатки истлевших лаг. По сторонам улицы открыты небольшие дворы посадских людей, огражденные частоколами. От построек до нас дошли только подпольные ямы и погребя.

Встречено большое количество железных шлаков и крицы, дающих основание предполагать наличие здесь кузниц. Среди вещевых находок имеются железные ножи, удила, подковки, глиняные и шиферные пряслица, глиняные игрушки-свистульки, бронзовые крестики и многобусинное височное кольцо и др. Собрана коллекция из красноглиняных, муравленных и полихромных изразцов, красноглиняных киотов и фигурных кирпичей. Интересна каменная иконка с круговой надписью и изображением богоматери «Знамень» с одной стороны и Никола Чудотворца с другой.

На Лужском раскопе, находящемся близ пересечения улиц Ленина и Пушкина, исследовалась площадь 576 кв. м. Культурный

слой здесь оказался потревоженным. Открыты и исследованы фундаменты трех построек, сложенные из плитнякового камня. Одна из них относится к XVII в. Сильно потревоженным оказался и культурный слой в раскопе, заложенном на месте строительства по ул. О. Кошевого.

Завершены архитектурно-археологические исследования крыльца Поганкиных палат. Выявлены и детально изучены фундаментные стояки крыльца, сложенные из плитнякового камня. В нижележащих слоях, относящихся ко времени до постройки палат, открыто два горизонта пожарниц с остатками сгоревших деревянных построек и следами частоколов, разграничивавших дворные участки. Эти напластования относятся к XV—XVI вв.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Седов В. В. (Москва). ИКОМОС в 1980-1984 гг.	3
Вайткавичюс Г., Каталинас К., Ушинкас В. (Вильнюс). Опыт формализованного описания массовых археологических нахо- док	5
Александров А. А. (Псков). К 70-летию подготовки XVI Археоло- гического съезда	7

ИССЛЕДОВАНИЯ ПСКОВА

Белецкий С. В. (Москва). Из истории государственных институтов Псковской феодальной республики («Печати псковские..»)	8
Мжелская О. С. (Ленинград). Лексика памятников псковской письменности как источник по истории Пскова (лексика псков- ского рынка по данным «Разговорника» Тённиса Фенне, 1607 г.)	10
Белецкий В. Д., Белецкий С. В. (Ленинград, Москва). Изображе- ния Троицы на актовых печатях Пскова (К иконографии ком- позиции)	11
Фараджева Н. Н. (Москва). Домостроительство Псковского горо- дища	15
Седов Вл. В. (Москва). Псковская архитектура первой половины XIV в.	16
Конов А. П. (Псков). К изучению памятников псковской архитек- туры XIV в. (ансамбль храмов у восточной стены Довмон- това Города)	19
Лагунин И. И. (Псков). К вопросу о датировке Спасо-Преобра- женского собора Мирожского монастыря	19
Селиванова Н. Б., Булкин Вал. А., Овсянников О. В. (Ленинград). Предварительные результаты изучения псковских строитель- ных растворов (Мирожский монастырь)	22
Щапова Ю. Л., Лабутин В. И. (Москва, Псков). Стекло древнего Пскова	23
Сергина Т. В. (Москва). Кустодии из раскопок в Пскове	25
Цирпонс И. А. (Псков). Страницы истории Псковского театра	27

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Артемьев А. Р. (Изборск). Города Псковской земли в XIV — на- чале XVI вв.	28
Герд А. С. (Ленинград). Из лингвистических данных к истории Пскова и Псковской земли	31
Ивашко Л. А. (Ленинград). Народная псковская фразеология как исторический источник	32

Хвощинская Н. В. (Ленинград). О финно-угорском населении Се- веро-Восточного Причудья	33
Михайлов С. П. (Псков). Печорский монастырь по Переписной кни- ге 1682 г.	35
Шорин П. А. (Москва). Монетные клады Псковской земли (клады русских монет XV—XVII вв)	38

СЕВЕРО-ЗАПАД И ЦЕНТР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Крайнов Д. А. (Москва). Проблемы неолита и энеолита центра Русской равнины	38
Лопатин Н. В. (Москва). Керамика культуры типа Тушемли-Бан- церовщины	42
Исланова И. В. (Москва). Погребальные памятники и поселения верхней Мологи и верхней Мсты в конце I—начале II тыся- челетия н. э.	44
Лебедев Г. С. (Ленинград). Ладога и ее округа (этапы формиро- вания по археологическим данным)	45
Тыниссон Э. (Таллин). Городище Варбола	47
Лухтан А. (Вильнюс). Кернаве в свете письменных и археологичес- ких источников	49
Хорошев А. С. (Москва). К истории формирования городских уса- деб в Новгороде (по материалам раскопок 1973—1983 гг.)	51
Чалых Н. Е. (Москва). Археологическое изучение Мурома	52
Озере И. (Рига). Раскопки могильника Гробиняс Приедиенс в 1984 г.	53
Асташова Н. И., Пушкина Т. А., Розанова Л. С. (Москва). Сравни- тельный анализ технологии железообработки Гнездова и Смо- ленска (к проблеме возникновения города)	55
Бebre В. (Рига). Кожаная обувь Риги в XII—XIV вв.	56
Каталинас К. (Вильнюс). Вильнюсские коробчатые изразцы вто- рой половины XVI и XVII вв.	58
Егорейченко А. А. (Минск). О происхождении антских двуспираль- ных подвесок	60
Янкаускас Р. (Вильнюс). Следы болезней на костях жителей Литвы I тысячелетия н. э.	61
Дучиц Л. В. (Минск). Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии	63
Матулис Р. (Вильнюс). Литовские жертвенные камни	65
Трусов О. А. (Минск). Из истории архитектурной археологии Бело- руссии	66

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ПСКОВЕ И ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Лабутина И.К./Псков/. Опыт изучения нижних отложений культурного слоя Пскова в раскопах на ул. Ленина	68
Белецкий В.Д./Ленинград/. Работы в Псковском Кремле в 1983 г.	70
Белецкий С.В./Москва/. Толукнянский раскоп в Пскове /1983 г./	71
Фролов В.П./Москва/. Раскоп в Пскове на ул. Детской /1983 г./	73
Седов В.В./Москва/. Работы в Изборске в 1984 г.	73
Седов В.В., Волочкова О.К., Закурина Т.Ю., Кильдюшевский В.И., Лабутина И.К., Миронова В.Г., Плоткин К.М., Фараджева Н.Н. Работы Псковской экспедиции в 1984 г.	75
Оглавление	78